

И С Т О Р И Я П О П А Д А Н К И

ДАРЬЯ БЫКОВА

Л Ю Б О В Ъ
П О П А Д А Н К И

История попаданки

Дарья Быкова

Любовь попаданки

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Быкова Д. Ю.

Любовь попаданки / Д. Ю. Быкова — «АСТ», 2018 — (История попаданки)

ISBN 978-5-17-108929-0

Книга также выходила под названием «Маша и любовь» Стоит ли бороться за свою любовь? Маша уверена, что стоит. Никита Рекунов — ее судьба, и она готова за ним и в огонь и в воду, и даже к неприятным ей инопланетянам. Стоит ли этим самым инопланетянам доверять? Определенно нет. Не стоит. Особенно этому синеглазому киару, не зря же от одного его взгляда становится не по себе... А случай, судьба и собственная неосмотрительность, как назло, сводят с ним все чаще...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108929-0

© Быкова Д. Ю., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дарья Быкова

Любовь попаданки

Глава 1

Маша и ксенофобия

Когда случился первый контакт, я была на третьем курсе и, признаться честно, восприняла новость об этом весьма равнодушно. Мой младший брат прыгал от восторга и мечтал на них посмотреть, а лучше потрогать – вот уж бр-р-р, а я думала о вещах куда более важных – что мне надеть на свидание с Ромкой. Не то чтобы все мои интересы и в самом деле сводились исключительно к платьям и мальчикам, но встреча с Романом уже через пару часов и в кафе по соседству, а эти инопланетяне где-то в Средиземном море, не говоря уже о том, что живут вообще далеко в космосе и встречаться со мной, к счастью, не собираются.

Слухов и домыслов тогда было немерено. Каждый считал своим долгом поделиться страхами или надеждами. Кто-то кричал, что они нас поработят, кто-то – что, наоборот, приведут, наконец, к светлому будущему. Первых, кстати, было значительно больше, и на вторых они посматривали с этакой снисходительностью: дескать, что с вас, блаженных, взять? Почему-то ожидание от жизни и окружающих исключительно плохого часто считается искушенностью и чуть ли не мудростью, хотя на самом деле это обычный пессимизм и попытка создать иллюзию контроля, чтобы не так страшно было болтаться в лодке жизни по ее непредсказуемым волнам.

Что ожидаемо, ни сказки, ни кошмара не случилось. Они охотно обменивались с нами технологиями, причем, это как-то не афишировалось, но было заметно: исключительно мирными технологиями и со всеми странами сразу. Вероятно, их странная этика велела поступать именно так. Этим, пожалуй, и только этим они мне были немного симпатичны, но куда более они были мне безразличны. В космос я никогда не рвалась – я и в самолетах-то чувствую себя крайне плохо, во власть мне тоже ни к чему, да и не возьмут так сразу наверх-то, а значит, пересечься с гостями из космоса мне негде. И это прекрасно!

С этой установкой я и прожила следующие два с половиной года, а теперь вот стою в длинной очереди желающих попасть в совместный проект землян и инопланетян. Проект то ли по освоению чего-то там, то ли по исследованию того же чего-то там. В общем-то, мне неважно. Хотя надо кого-нибудь из конкурентов ненавязчиво расспросить, а то вдруг вопрос какой зададут на собеседовании. Не могу же я вывалить на них правду: к вам Никитос записался, а я его люблю не могу. И он меня тоже. Наверное. Просто сам этого еще не понял. Вернее, запутался. Такое бывает. Говорят.

Не просто так ведь Никитос добивался меня почти полгода, красиво, очень красиво, гад такой – да я любя, любя! – ухаживал, а когда я сдалась-таки на милость победителя, он почти сразу и охладел. А я, наоборот, – влюбилась по уши и даже больше и, узнав, что его зачислили (соцсети – наше все!), бросилась тоже подавать заявку. Успела в последний момент. А сегодня – последний день собеседований, вот и вытянулась очередь на весь коридор моего родного вуза, и что-то подсказывает мне, что номер «триста пять» – несчастливый, равно как и еще сто – сто пятьдесят номеров до него, нас просто не успеют принять. А мне надо. У меня любовь!

Удивительно, но без пяти минут семь я все-таки вошла в заветный кабинет. И едва сделала шаг от порога внутрь, как уже улегшееся было от усталости волнение охватило с новой силой. Это у остальных решается всего лишь место практики, а у меня на кону вся судьба!

– Мария Романова? – равнодушно спросил председатель комиссии, к счастью, человек. – Зачем вы хотите участвовать?

Я открыла уже рот, чтобы вдохновенно соврать какую-нибудь полагающуюся по случаю чушь, у меня это иногда очень даже неплохо выходит, жаль, что только иногда, но тут мой взгляд наткнулся на него. На инопланетянина. У них в комиссии был инопланетянин, а я до сих пор их как-то... ну, не очень. Да, это немного странно, учитывая, что я рвусь в совместный проект, но к тому, что они встретятся где-то там и когда-то потом, я была готова, я на все ради любви была готова. А вот уже сегодня сталкиваться с ними – оказывается, нет. Тем более с такой частотой. Ведь этот уже не первый... хотя, может, это он же? Если он же, то плохо дело... а ведь похож! Ох...

– Скажите, Мария, – вступил он в разговор. Голос был приятный, и если постараться, то можно попробовать представить, что это просто обычный земной мужчина. Ага, размечталась. – Вы испытываете неприязнь к нашей расе?

И – я прямо чувствую – глазами впился. Они что, правда, что ли, ложь чувствуют? И что за вопрос – стандартный ли?

– Нет, – бодро соврала я. – Никак нет. Зачем бы я иначе хотела принять участие в этом проекте?

Ну, точно он. Вон как недоверчиво прищурился и сейчас головой покачает, и все. Никитос улетит, а я останусь с разбитым сердцем и ворохом сожалений.

Этого синеглазого я встретила в коридоре еще утром. Ну, как встретила... Я от него шарахнулась, ударилась о стенку и чуть не упала, а он же меня и поддержал. Я не визжала, но поспешно высвободилась, смущенно бормоча какие-то извинения пополам с благодарностью, совершенно не искренние, увы.

– Мне показалось, что мое прикосновение было вам неприятно, – спокойно сказал он, абсолютно не смущаясь присутствия лишних ушей. Скучно ему, что ли?

– С прикосновениями незнакомых людей – то же самое, – поспешно заверила я его, понимая – не верит.

Но он неожиданно кивнул, и председатель комиссии удивленно, как мне показалось, сообщил:

– Вы зачислены. Через три дня – оргсобрание, информацию можете найти на сайте. Всего доброго.

Я очень быстро убралась из кабинета, на радостях бросившись обнимать следующего за мной кандидата, и вдруг с ужасом поняла, что этим как раз окончательно прокололась – тот синеглазый инопланетянин прямо с порога задал моей жертве вопрос:

– Давно вы знакомы с Марией Романовой?

Вообще, если подумать объективно и отстраненно, то ничего такого в этих вот инопланетянах не было: ни скользких щупалец, ни третьего-четвертого и так далее глаза, ни мерзких каких-нибудь наростов... Так что объяснить свою неприязнь как-то логически я не могла, возможно, дело как раз в том, что слишком они похожи на нас, но внутри-то наверняка совершенно другие. Это как с поганками: больше всего ненавижу именно те, которые маскируются под благородные грибы. Но ничего. Ради любимого я потерплю. Кстати, о любимом...

Сказать ему сразу? – подумала, открывая Никитину страницу в соцсети. Или встретить на оргсобрании и сделать вид, что и не знала, что он тоже вписался в этот проект? И хорошо бы при этом как-нибудь еще внушить ему мысль, что сама судьба сводит нас вместе, вот только гипнозом я, увы, не владею. Вообще, мне хотелось как-то исхитриться и пройти по тонкой грани: с одной стороны, ни в коем случае не показаться навязчивой, а с другой – не дать о себе забыть. Подожду, – все же решила я, два дня как-нибудь да протерплю... и тут мой взгляд упал на сообщение на его «стене» от некой «Натусик». Эта... эта... отправила ему песню, на редкость дурацкую песню, ну и что с того, что я сама ее напеваю периодически? И сердечко нарисовала, в котором указала «Н & Н». Никитос и Натусик, надо думать. А он... он это убо-

жество лайкнул. Не могло же оно в самом деле ему понравиться, право слово? И эта сюсюкающая Натуся тоже, наверняка, не могла. Он у меня просто вежливый мальчик, добрый... Расстраивать не хотел. Ну вот, у нее на стене от него, к счастью, ничего и нет. Разве что, – испортила я сама себе чуть наладившееся уже настроение, – мне он тоже ничего никогда не писал вот так вот, напоказ.

Помедитировав еще минут десять на страницу любимого и обожаемого, я все же заставила себя ее закрыть и полезла на сайт этого, теперь я могу говорить «нашего», проекта. Там меня поджидала очередная засада: оказывается, каждый участник еще должен пройти собеседование с психологом. С их психологом! А я и с человеческими-то не очень нахожу контакт. Хотя опыт у меня небольшой: ежегодная медкомиссия в вузе, куда с недавнего времени включили то ли психолога, то ли психотерапевта, и еще одно добровольное обращение к психологу в надежде, что она – а мне ее троюродная сестра очень даже рекламировала и именно в таком качестве – научит, как быстро и с гарантией вернуть Никитоса. Ни то, ни другое мне симпатии к людям с профессией, начинающейся на «псих» не добавило.

Осмотры я не любила, потому что на них приходилось врать. Я – абсолютно нормальный человек, вот клянусь, но иногда разговариваю сама с собой. Не так, конечно, что «дорогая Маша, давно не виделись, как у тебя дела, ой, что сейчас расскажу!», но, бывает, хвалю себя: «Ты, Машка, молодец!», или, наоборот, не хвалю: «Давай, Машка, поднимайся с дивана и дуй на пробежку!». Но попробуй только ответить «да» на этот провокационный вопрос у психиатра! А про сны? На всякий случай я всегда отвечала, что мне вообще ничего не снится. А то мало ли... Уверена, если начать приглядываться, то любого человека можно признать «слегка того», а то и не слегка...

Психолог же... Я возлагала на нее большие надежды. Оля мне тогда все уши прожужжала, какая эта Елена Александровна классная и как она ей помогла, вот я и подумала – схожу на пару сеансов, выучу несколько психологических приемчиков, и все, готово, Никитос снова у моих ног. Но, как водится, реальность с ожиданиями разошлись только так...

– Вам надо перестать так много о нем думать, – сказала Елена Александровна, глядя на меня своими большими, идеально накрашенными глазами. – Займитесь собой, своей жизнью. Перестаньте заикливаться на вашем общем гипотетическом будущем!

Ха, подумала я, гадая, это у нее свои такие замечательные ресницы, или она их нарастила, а кто тогда будет заботиться о нашем общем будущем, если не я? И как оно тогда наступит, если о нем никто не позаботится? Даже как-то жалко отданных денег стало, но что уж теперь... Интересно, сама-то Елена Александровна замужем? Или все ждет, пока как-то само образуется? Но спрашивать не стала. Я – вежливая девочка. Стараюсь, по крайней мере. А вообще, это прекрасная тактика: не можешь дать клиенту то, чего он хочет, убеди его, что ему это вовсе и не нужно. И все это за его деньги, ну круто же, да? Мысль, что Елена Александровна, возможно, не так уже и не права, я затолкала в самый темный угол. В конце концов, сдать и отступить я всегда успею!

В общем, немного повздыхав на предмет встречи с их инопланетным психологом, и не ожидая от этого randevу ничего хорошего, я все-таки щелкнула на «записаться» и выбрала единственное оставшееся время – завтра и в жуткую рань. Ничего удивительного, что не заняли.

И ничего удивительного, что я ужасно опаздывала. На общение отводилось всего тридцать минут, и двадцать пять уже прошли, когда я вбежала на этаж. «Это очень-очень плохо, – крутилось у меня в голове, периодически, правда, сменяясь робкой надеждой – а вдруг это к лучшему все, и сократившееся время общения не позволит мне особо облажаться. С другой стороны, опоздание – явно не лучшая рекомендация... Сказать, что троллейбус сломался? Лифт? Машина не завелась? Я переводила через дорогу партию старушек?»

В кабинет я влетела, практически оттолкнув уже заходившего было следующего кандидата, – ишь, торопыга! – и, задыхаясь от быстрого бега, вцепилась в ручку двери, плотно ее прикрывая, чтобы не выставили. – Пять... минут... еще! Пожалуйста!

По закону подлости – да, есть такой закон, и прекрасно действует, по крайней мере, в отношении меня! – психологом оказался тот самый синеглазый. Впрочем, определила я это больше по голосу – честно признаться, не могла я толком смотреть на них, чужих. По телевизору нормально, а лично – никак. Мне было неловко, стыдно за свою неприязнь и казалось, что они обязательно ее прочитают, стоит только встретиться глазами... Хотя этот, конечно, и так в курсе. И поэтому решил не идти мне навстречу.

– Мария Романова? – как-то удивленно произнес он, направляясь к нам с дверью – я нуждалась в поддержке, а дверь мне ее любезно оказывала. – Прошу прощения, но у меня встреча и...

– Пожалуйста! – взмолилась я и сделала неслыханное и крайне для самой себя неожиданное – вцепилась ему в руку. Неосознанно, чисто инстинктивно, чтобы остановить от открывания двери или фатальных для меня слов. И теперь мучительно соображала – что делать-то? Отпустить? Решит, что снова брезгую, и тут уже ничего не поможет. Держать дальше? А вдруг расценит как нападение? Он замер и молчал, и пришлось-таки поднять взгляд. Мамочки! Так близко я никого из них точно никогда не видела. Хорошо еще, он на меня не смотрит... ну, точнее, смотрит на мою руку, а не в глаза. Как смотрит – не понять. Удивленно? Сердито? Ждет, что я сама догадаюсь руку убрать? А я – нет, не догадаюсь. Он-то совсем невысокий, оказывается, всего на полголовы выше меня, а я тоже не сильно большая, и не сказать, что накачанный, хотя так в одежде и не понять... И с чего я вообще думаю об этом? А черты лица не то чтобы совсем уж чуждые, но все равно, какое-то все другое. Более грубые и четкие линии, и краски более яркие. Такой синевы в человеческих глазах не увидишь, как и серебряных волос. Может быть, просто считать его персонажем из какого-нибудь мультфильма? К мультяшкам я вроде неприязни не испытываю... пока.

– Пожалуйста! – повторила умоляюще, вздрогнув, когда он взглянул на меня.

Медленно и неохотно кивнул, все так же стоя у двери:

– Пять минут. Говорите. И нет необходимости меня держать, Мария Романова, я уже понял, что вы работаете над своей фобией и почти делаете успехи.

Я моментально его отпустила, разозлилась и, кажется, даже покраснела. По крайней мере, щеки стали вдруг горячими, и даже уши, кажется, тоже нагрелись. Все-таки наши, человеческие, психологи куда любезнее и тактичнее.

– Мне двадцать один год, не замужем, красный диплом, специализация: микробиология, – оттарабанила я и выжидательно на него уставилась. А что еще сказать-то? Отношения с родителями хорошие. Любовь – несчастная. Так, что ли?

– И? – он вернул мне не менее выжидательный взгляд. – Вы именно это так хотели мне сказать, что задерживаете мою встречу с представителем Городского комитета по развитию?

От недосыпа и нервов соображала я плохо и долго, но все-таки сообразила. Психолог и Городской комитет по развитию – что-то тут не сходится. Значит... значит, кто-то промахнулся кабинетом и совершенно напрасно облапал инопланетянина, еще и потеряв при этом драгоценные остатки своего времени у психолога.

– Вы не психолог, да? – все же уточнила я уже очевидное.

Он покачал головой:

– На четвертом этаже, Мария Романова. Это – третий.

И открыл мне дверь. Типа, давай, до свидания. А лучше – прощай.

Наверное, надо было молча уйти, постаравшись сохранить хоть немного достоинства, но это означало бы крах всего и конец всему.

– Пожалуйста... – сказала я и замялась, не зная, о чем именно просить. Но глаза, полные готовых пролиться слез, все же на него подняла. И невольно вздрогнула от пристального взгляда.

Все-таки глазищи у него уж слишком синие, как ненастоящие... Надо, наверное, что-то сказать? Попросить замолвить за меня словечко у психолога? Извиниться за потраченное время? А чего он сам-то молчит? И не моргает. Он вообще настоящий? А вдруг, эта псевдо-человеческая внешность – лишь скафандр, а под ним скрываются какие-нибудь крошечные муравьи-древоеды или осьминоги? А может, вообще медузы... Бррр.

– Что? – словно подслушав мои мысли, спросил синеглазый. И наконец-то моргнул. – Я не психолог, Мария Романова, и психологом не стану, как бы вы ни просили. Всего доброго.

И выразительный взгляд на дверь.

Я же... я ушла. Нет, вовсе не сдалась, но психолога уговорить будет, наверняка, проще, чем эту медузу в синеглазом скафандре. Так что вперед, на четвертый этаж, бороться за свое счастье.

Не знаю, сделал ли что-то синеглазый, или же мне просто так повезло, что более вероятно, но психолог меня приняла. Я еще только вбегала на этаж, когда услышала, как кто-то называет мои имя и фамилию, и бросилась к кабинету со всех ног. И теперь вот сидела в жестком и холодном кресле, отвечая на вопросы, один удивительнее другого.

– Вам приходилось убивать? – благожелательно спросила молодая женщина, сверкая на меня изумрудными глазами и делая какие-то пометки в планшете. Надеюсь, это у нее не портативный детектор лжи. Не то чтобы мне было что скрывать, ну, кроме ксенофобии, но схожесть с допросом сама по себе нервировала.

– Считаете ли вы, что люди и руане равны, или одна из рас превосходит другую? Самый страшный поступок, который вы совершили? Самый лучший поступок? Чем вы гордитесь?

С прискорбием вынуждена признать, что я оказалась совершенно серой и непримечательной личностью, которой и гордиться нечем и вспомнить тайком – а-ля «стыдно рассказать, но приятно вспомнить» – тоже нечего. А еще было здорово не по себе от того, что на некоторые вопросы я не успевала отвечать, но инопланетянку это не смущало, словно мои ответы не имели никакого значения, а важно было лишь задать вопрос. Так что я все с большей опаской косилась на предмет у нее в руках: а вдруг это не планшет, а считыватель мыслей? Я тут всякую ерунду думаю, вон синеглазый постоянно в голову лезет, и зла я на него, хоть и понимаю, что сама во всем виновата, а эта вот штуковина небось берет и все записывает, и мои злость и нелояльность в том числе.

– Какие у вас отношения с киару? – очередной неожиданный вопрос, и я, уже привыкнув к тому, что стоит помедлить несколько секунд, и мы перейдем к следующему, решила даже не спрашивать, кто это. Но девушку заклинило. Она взглянула в планшет, нахмурилась и снова посмотрела на меня. – Какие у вас отношения с киару, Мария Романова? Почему Вы не отвечаете?

– Кто это? – спросила я, вздыхая. Думалось почему-то про синеглазого, но отношений у меня с ним, к счастью, никаких нет. До ответа психолог, хотя какой она к бесенятам психолог, следовательно, да и только, не снизошла.

– Мы закончили, – сообщила она. – Будьте любезны, пригласите следующего.

Из здания я выходила с неприятным осадком на душе: все же как-то по-дурацки получилось с этим синеглазым, а выглядеть нелепо я не люблю. Сама, конечно, виновата, еще и унижалась зачем-то перед ним... И теперь этот эпизод как заноза в моей памяти – саднит, раздражает и не дает о себе забыть.

До чего же они, эти инопланетяне, все же неприятные... И до чего же сложно простить синеглазому свое собственное унижение.

Глава 2

Маша и предложения разной степени заманчивости

– Мария Александровна, вы любите свою страну?

– Люблю! – честно ответила я. Да и разве можно ответить «нет», когда на тебя так смотрят. Словно не ответа ждут, а уже меру пресечения выбирают.

Я вообще всяческих спецслужб крайне опасаясь, робею как-то перед ними, и это мне самой в себе не нравится, но отказаться от общения с оными еще меньше шансов, чем в случае с инопланетянами.

Тихий, вежливый человек позвонил мне вчера вечером и пригласил «зайти побеседовать». И вот теперь я ючусь на крайне жестком и неудобном стуле – специально они, что ли, такую мебель закупают? – и хорошо еще, что лампы в глаза мне не направили. Впрочем, мне и без лампы достаточно неуютно, так и хочется согласиться на все что угодно, лишь бы скорее уйти. И никогда больше не приходить.

– Тогда, – благожелательно улыбнулся мне вежливый человек с ледяным взглядом, – буду с вами откровенен.

Вот уж только этого не надо, мелькнула глупая мысль, меня ж потом никуда не выпустят. Впрочем, чего это я? Конечно, он не будет откровенен. Он, наверное, вообще ни с кем не бывает откровенным. Интересно, есть ли у него семья? И как он с женой и детьми разговаривает, если они у него все-таки есть? Таким же тихим, невыразительным и одновременно вкрадчивым голосом?

– Вы же понимаете, что так долго продолжаться не может? – сказал он вдруг сурово, и у меня внутри что-то екнуло. Но говорил он не обо мне, к счастью. – Руане из всех сил пытаются соблюсти равновесие, делятся технологиями со всеми сразу, да и делятся-то крохами... Это все слишком неустойчиво, и рано или поздно перекося все равно возникнет и, возможно, как раз благодаря этому совместному проекту! Понимаете?

Я аккуратно, даже, скорее, осторожно кивнула.

– Вы! – воскликнул человек, кажется, он представлялся Олегом Владимировичем, но точно не помню, мандраж от обстановки мешает сосредоточиться на деталях. – Именно вы можете принести нашей Родине стратегическое преимущество, а значит, обеспечить безопасность, процветание и мир во всем мире, как бы пафосно это ни звучало!

От подобной чести мне стало здорово не по себе, я ж не совсем глупенькая, понимаю, что к чести прилагается огромная и совершенно мне не нужная ответственность. А хотя, наверняка, он всем так говорит. Точно. Выдыхай, Машуля. Ты же не думала, что в совместный проект можно попасть, минуя такую вот вербовку и проверку на лояльность? Признаться честно, я просто об этом совершенно не думала, но, разумеется, это очевидно, да. Так что ничего странного и никакой особой отве... Додумать я не успела.

– Вы чем-то приглянулись киару! – доверительно-поощрительным тоном сообщил мой собеседник, и я напряглась. Нервно слотнув, поправила волосы и переспросила:

– Киару? Кто это?

– В нашем языке нет аналога этому слову, поэтому мы используем их название. Признаться честно, для нас пока загадка, чем эти самые киару занимаются и за что именно отвечают, в привычную людям систему управления они не укладываются. Киару иногда вообще никакого участия в переговорах или принятии решений не принимают, а иногда что-то скажут, и все, руане сделают именно так.

– А при чем тут я? – спросила с грустью, начиная догадываться, что синеглазый – тот самый киару, или как его там, и от этого мои не самые добрые чувства к нему лишь окрепли.

– Вас не должны были взять в проект, вы же сами это понимаете, – мягко пожурил меня мужчина. – вы шарахаетесь от наших инопланетных друзей, совершенно не интересуетесь тематикой проекта... наконец, вас даже расспросить ни о чем не успели – вмешался киару, и готово – вы приняты.

– И теперь вы хотите, чтобы я отдалась этому не пойми кому за какой-нибудь их инопланетный секрет? – мрачно предположила я и тут же пожалела. Тон безнаказанным не остался.

– Мария Александровна! – смерил он меня выразительным взглядом и скривился. – Позвольте вам напомнить, что мы тут не мои личные хотелки обсуждаем и не Ваши предпочтения, с которыми и так все понятно – Никита Рекунов, а будущее нашей с вами Родины, перед которой у вас, как и у меня, есть определенный долг. И надо будет – жизнь отдадите, а не только... тело. Впрочем, – немного смягчил он тон, – это совершенно не обязательно, возможно, вы добьетесь большего, дразня, но не даваясь, сами разберетесь. У симпатичных женщин интуиция в этом отношении работает блестяще. Итак, в первую очередь нас интересуют корабли...

Он говорил и говорил, а я сидела и обтекала, и была неожиданно противна сама себе. Если сейчас сказать «нет», встать и уйти, то я никуда не полечу, это яснее ясного, хорошо еще, если семью не тронут. Я не хочу проверять, насколько далеко они готовы зайти, некоторые угрозы не обязательно произносить вслух, они и так ощутимо витают в воздухе и угнетают. Согласиться же... Хотя это и немодно сейчас, но упомянутый долг перед страной я действительно ощущаю, и даже хотела бы что-то для нее сделать, однако ж выступать в роли шпионки и торговать собой – как-то не по мне... слаба я для этого. Не гожусь. Я лучше какое-нибудь научное открытие сделаю. Лекарство какое, может, изобрету...

– Итак, мы поняли друг друга? – вернулся к своей вкрадчивой интонации мой мучитель.

– Да, – ответила, не глядя на него. Интересно, кто на них шпионит? Будут ли этому невзрачному опасному человеку докладывать о каждом моем шаге там? Может, надо сделать вид? Или и правда попробовать сблизиться с синеглазым? Нет, я не смогу. Даже в дружеском смысле не смогу, он же такой... чужой. Не зря ведь мне так легко представляется медуза в человекообразном скафандре, и не по себе от одного присутствия этого Киару. Тогда что? Повести себя так, чтобы он сам разочаровался? А вдруг его интерес ко мне вовсе не как к женщине? Может, научный. А то и вовсе гастрономический...

Мне впервые начало казаться, что я влезла, а главное – продолжаю лезть, куда-то не туда в своей упорной погоне за Никитосом, но я эту мысль отогнала, и даже, можно сказать, загнала подальше. А уж после его звонка, наступившего меня буквально через полчаса, мои мысли вообще занимало совершенно другое.

Расстались с ним мы типа друзьями, и я прилагала поистине титанические усилия, чтобы не написать и не позвонить лишний раз, под совсем уж надуманным предлогом, а то и вовсе без оного. Навязываться – что может быть более жалким и противным. И вот, кажется, моя тактика дала плоды. Никитос звонит сам. Сердце мое исполнило какой-то запредельный кульбит, стоило только взглянуть на экран телефона, и я, разом забыв, куда шла, застыла в паре метров от родного подъезда, чувствуя, как начинают гореть щеки, а сердце после своего акробатического трюка бьется где-то в районе горла.

– Привет, – сказала в телефон, чувствуя, как по лицу расплывается идиотская улыбка. Позвонил! Наконец-то осознал, что я нужна ему!

– Привет, Машуль, – откликнулся Никитос, и я аж зажмурилась от предвкушения. Он не разочаровал. – Я недалеко от твоего дома, можно мне зайти? Надо кое-что обсудить.

Так. Зайти... зайти ко мне домой, прямо сейчас? Нет! Нельзя домой. Во-первых, у меня в комнате бардак, а идеальные девушки живут в идеальном порядке, а во-вторых, дома брат. И этот дурак точно все испортит, всю романтику момента, будет подслушивать, тупо шутить и ржать. Не то чтобы он совсем был безнадежен, но явно застрял в том возрасте, когда еще

дразнят «тили-тили-тесто» и совершенно не способны на красивые жесты. Да и Никита ему не нравится, особенно после того, как мы расстались. Так что нет, домой – не вариант.

– Давай в кафетерии? – предложила я, вовремя одумавшись и опустив характеристику «в нашем». Не стоит упрощать ему задачу. Если хочет меня вернуть, пусть постарается как следует.

– ОК, через десять минут буду там. Давай, пока! – покорно согласился на мои условия мой, надеюсь, одумавшийся возлюбленный.

Я постояла еще пару секунд, блаженно лыбясь в телефон, а потом со всех ног бросилась домой. Надо помыть голову, накраситься и решить, что надеть! Я должна выглядеть ослепительно! Или нет... лучше, нежной и ранимой. Или все же уверенной и самодостаточной?

Лихорадочно собираясь, не могла удержаться и рисовала в своем воображении наш предстоящий диалог. Вот я вся такая красивая, нежная и хрупкая смотрю на него совершенно невинными глазами: «Привет, что случилось?», а он... он говорит: «Прости меня, я был идиотом, я безумно тебя люблю и хочу прожить с тобой всю жизнь!», опускается на колено и вытаскивает кольцо... стоп! Зачем мне кольцо? Я же не готова пока замуж... а-а-а, ладно, пусть будет кольцо, главное, чтобы он мечтал жениться, а там разберемся. А кольцо... м-м-м, с бриллиантом? Бриллиантами? Точно! Вдруг он все эти два месяца копил на кольцо?! Ну ладно, не два, но хотя бы полтора. Ладно, все-таки с кольцом я загнула... пусть будет просто букет. Огромный букет из ста... ну ладно, из пятидесяти одной розы. И на колено пусть обязательно встанет... Вот блин... то есть, экая незадача, глаза плохо накрасила! Придется смывать и переделывать, это все из-за спешки, я, конечно, опоздаю, девушкам так вроде и полагается, но больше, чем на двадцать минут как-то стремно... вдруг он впадет в отчаяние и уйдет? Да и жестоко это, так томить изнывающего от любви и неопределенности мужчину. Надеюсь, изнывающего. И, надеюсь, именно от любви.

Так вот... он мне скажет: «Прости идиота», а я... а что сделать мне? Сказать, что прощаю, но не могу ему больше верить? Давить на то, как мне было больно, когда он ушел? Просить время подумать?

Просто броситься на шею – точно не вариант. Я, конечно, дам ему надежду, но если сразу все простить, он же решит, что можно так вот постоянно уходить-приходить...

Так и не решив толком, как же надо себя вести, и не добившись идеального макияжа, но опоздав на двадцать семь минут, я все же появилась в кафетерии.

Увы, реальность и ожидания снова разошлись. Никитос был без букета. Не веря своим глазам и не желая отказываться от красивой фантазии, я, перед тем как усесться напротив, заглянула через стол и даже под стол – чем черт не шутит, ни-че-го. Как так? Забыть или просто не подумать он не мог, только не Никита, уж что-что, а ухаживать он умел. Кажется, я поторопилась с выводами и мечтами, призналась сама себе, ощущая, как настроение моментально упало. Честно говоря, я расстроилась почти до слез, сама не ожидала. Что же ему тогда от меня надо? Зачем дергает?

– Машуль, – сказал Никитос, гипнотизируя меня своими красивыми темно-кариими глазами. – У меня к тебе просьба. Вернее, предложение.

Робкая надежда встрепенулась во мне при слове «предложение», но здравый смысл, щедро приправленный пессимизмом и только что пережитым разочарованием, которое я сама себе и устроила, намечтав с три короба на пустом почти месте, мгновенно эту надежду удушил. Ну, почти удушил.

– У тебя ведь «отлично» по руанскому языку? Можешь со мной позаниматься?

Я немного воспряла духом. Ну конечно. Он просто, наверное, слишком гордый, чтобы признаться, или же думает, что я не прошу. А может, решил, что я уже остыла и теперь пытается найти способ снова меня покорить, вот и придумал эту фишку с репетиторством... или сам еще до конца не понял, но его ко мне тянет!

– А в чем предложение? – улыбнулась я, доброжелательно, но ровно, по крайней мере, очень старалась.

– Я отдам тебе свой байк через месяц, когда уеду. Он ведь тебе нравится? А! Ты же, наверное, еще не знаешь! Я попал в этот совместный проект с руанцами, представляешь?!

«С руанцами», – мысленно поправила я его. И, конечно же, знаю.

– Да ты что?! Я тоже! – с восторгом сообщила вслух, правда, моя улыбка быстро померкла – никакой особой радости на лице моего собеседника почему-то не отразилось. Наоборот, мне показалось, что промелькнуло что-то такое... как будто мы не влюбленные, а соперники-конкуренты, и он уже думал, что обошел меня на повороте, прибежал на финиш из последних сил, запыхавшись и выдохнувшись, а там – я, бодрая, веселая и предлагаю еще ради удовольствия пару кругов намотать. Да нет, не может быть. Я просто сама слишком эмоциональная, вот и жду, что другие будут реагировать так же...

– Круто, – с непонятной мне интонацией сообщил Никита, глядя куда-то в сторону. – Ну так что, поможешь? Правда, – он улыбнулся и вновь взглянул на меня, – не знаю теперь, что тебе и предложить. Байк же тебе, выходит, не нужен?

Байк мне был, разумеется, ни к чему. Если честно, то и симпатию к этому транспортному средству я испытывала исключительно постольку, поскольку мне очень нравился его хозяин. И все. Ничего личного к самому байку.

Но маячившие впереди регулярные встречи с возлюбленным сами по себе были для меня наградой.

– Ничего, – улыбнулась я ему в ответ. – Что-нибудь придумаем!

– Слушай, Машуль, а как ты вообще в этот проект-то вписалась? – вдруг заинтересовался Никитос. – Ты же их это... терпеть не можешь, вроде?

Не знаю почему, но мне сделалось как-то неприятно. Нет, Никиту я вроде бы ни в чем упрекнуть не могла, действительно, говорила ему как-то о своей неприязни, и удивление его вполне объяснимо и оправданно... И все же, все же, все же... Оттого, возможно, что почудилось мне в этом вопросе «и как тебя только взяли, такую убогую?». Но нет, вряд ли, вряд ли...

– Да нет, – постаралась как можно спокойнее, даже немного лениво, пожать плечами. – Нормально я к ним отношусь.

«Терпеть могу, как выяснилось!» – добавила строго про себя. Но мой собеседник не удовлетворился.

– Да ладно, – как-то слишком простодушно заявил он, в упор не желая замечать, что обсуждать эту тему мне совершенно не хочется. – Помнишь, мы кино смотрели? Ну, там где девушка с инопланетянином связалась... ты еще говорила, что ни за что бы не смогла, и вообще, смотреть на это даже не можешь – противно.

Я помнила. Мне и вправду было тогда не по себе, стоило только представить себя на месте героини... Но Никитос-то к чему это вспоминает? Может, ревнует меня к синеглазому? Хотя откуда ему знать, что я в проекте исключительно благодаря этой неожиданной протекции. Тогда что? Может, опасается, что я там найду себе инопланетного бойфренда? Совершенно напрасно. Он один в моем сердце и в мыслях моих.

– Ты же не будешь отрицать, что такое было? – полушутливо спросил Никита, и я неохотно признала:

– Возможно, не помню. – И поспешила перевести фокус на него – говорить о себе он очень даже любит, как и все мужчины. – А тебе зачем этот проект?

– Почему бы и нет? – ушел от ответа мой будущий ученик. – Ладно, Машуля, мне пора бежать. Завтра вечером заскочу на урок, идет?

– Идет, – растерянно сказала я, начиная чувствовать себя глупо. Стоило ли сорок минут готовиться, лихорадочно менять платья и править макияж, чтобы через семь минут уже разбежаться? Впрочем...

– Ты, кстати, ни с кем не встречаешься? – спросил, уже поднявшись из-за стола.

– А что? – еще больше растерялась я, мечтая передать интонацией, что у меня куча поклонников и я вот-вот начну с кем-нибудь роман. Но, кажется, вместо этого получилось кичливо-капризно. Эх.

– Так, – улыбнулся Никита и склонился, чтобы поцеловать меня в щеку. – Выясняю, не будет ли какой ревнивец устраивать разборки. Все, до завтра, красавица.

«Красавица», – мысленно повторила я, чувствуя, как против воли начинаю совершенно по-идиотски улыбаться. Кажется, мы на верном пути. Он ищет со мной встреч, делает комплименты и, вероятно, даже ревнует. А раз так, то все инопланетяне и все спецслужбы Вселенной мне нипочем.

– Молодой человек, – поймала я официанта, – принесите мне, пожалуйста, ваш фирменный коктейль.

Есть что отметить!

Глава 3

Маша и неожиданности

Оргсобрание открыло для меня много нового. Например, что проект на два года, а я ведь даже ничего еще не сказала родителям, и, честно говоря, плохо представляю, как им сообщить, что их дочь летит с какими-то инопланетными существами куда-то в далекий космос, чтобы там осваивать или исследовать какую-то планету. А ведь это, наверняка, подразумевает отсутствие элементарных условий! А вдруг нас там вообще оставят?! Вдруг это билет в один конец, и мы не разведчики, а невольные переселенцы, которые просто об этом еще не знают? Может, не зря они набирают много молодежи... Эх. На какой только риск не пойдешь ради любви!

Вот интересно, кстати, с чего это руане решили осваивать какую-то планету вместе с нами? Почему не сами? Подозрительно это все!

А вчера приходил Никитос. И – неожиданно для меня – оказывается, у него с руанским языком полный швах... ну или он уж очень искусно притворяется «ты очень красивая!» и «я скучал!». Это ведь намеки были, правда? И теперь я еле удерживалась, чтобы не оборачиваться ежесекундно – он сидел на пару рядов дальше, чем я. Останавливала меня гордость. И, как ни странно, взгляд пронзительно-синих глаз. Почему-то становилось неловко вертеться на виду у этого киару, или как там его. Да и вообще, под его взглядом в принципе становилось здорово не по себе, вертись не вертись, уже не так и важно... И чего он на меня глазеет, спрашивается? Мне ведь сразу лезут в голову грязные инсинуации этого агента спецслужб, который меня вербовал, и становится совсем тревожно.

Синеглазый и впрямь всякий стыд потерял, сидит и смотрит-смотрит-смотрит... А я бы и хотела набраться наглости, чтобы ответить ему на взгляд, может, и бровь – одну, я умею – вопросительно приподнять, а как-то не выходит. Сижу, смущаюсь, нервничаю и ерзаю, прямо как подросток. «Ну хватит, не смотри на меня, ну пожалуйста!» – мысленно взмолилась я, а когда осмелилась вновь посмотреть на синеглазого, он смотрел в другую сторону. И почему это меня не обрадовало, я так и не поняла. И на Никитоса больше не оборачивалась, почему-то расхотелось.

Прибытие на планету предполагалось в три этапа, первая группа – самая малочисленная, должна была отправиться уже через месяц, вторая и третья – через полтора и два соответственно, и мне каким-то образом... хотя я, кажется, точно знаю каким, повезло оказаться в первой группе. С киару. А Никитос – в третьей, и я ему даже завидовала, правда, недолго, ровно до того момента, как он подсел ко мне, схватил меня за руку и выдал:

– Поменяйся со мной!

Вот если бы он сказал «поменяйся, чтобы быть в одной группе со мной», я бы тут же и с радостью. Но нет. Разные группы его, кажется, не волновали, и во мне встрепенулись обида и вредность.

– Зачем? – спросила я, не торопясь, впрочем, выдергивать свою ладонь.

Ответить он не успел, на нас зашикали соседи, и Никитос вернулся на свое место. А я со вздохом посмотрела на свою руку, еще помнящую тепло его ладони, и попыталась сосредоточиться на информации о предстоящем путешествии. Но мысли упрямо вертелись вокруг Ника, его прикосновений и его странной просьбы. Кое-что я, правда, все-таки услышала и запомнила: каждая группа будет еще несколько раз встречаться до отлета, и окончательное решение о составе участников будет принято по итогам этих тренингов-тимбилдингов. Прямо это не было сказано, но отчетливо читалось между строк – финальный состав будет куда менее многочисленным.

Когда собрание закончилось, я сделала над собой усилие и не стала оборачиваться на Никиту, искать его глазами, медлить или еще каким-то образом пытаться инициировать с ним диалог. Во-первых, ему от меня что-то надо, так что обратится сам, во-вторых, у нас послезавтра урок руанского языка. Так что никуда пока не денется. И точно.

– Маш! – окликнул он меня, едва я вышла за дверь, и, догнав, снова схватил за руку. Я послушно остановилась. – Пожалуйста, давай поменяемся! Подумай сама – это же может быть опасно! А ты у меня такая нежная, хрупкая... тебе же будет тяжело! Зачем тебе такие испытания? Машуля... Ну давай поменяемся!

Я уже почти растаяла, все-таки Никитос знает, с какой стороны подойти, и тон у него такой нежно-заботливый сделался, и слова он подобрал правильные, ласкающие мой слух: нежная, хрупкая... «у меня»! И хочется согласиться, ведь, в конце-то концов, что я улечу в первой группе, а он в третьей, что наоборот – все равно на месяц мы расстанемся, а построить отношения на вредности вряд ли выйдет, надо, наверное, уступить... тем более, он просит так ласково и проникновенно... Да, уступлю.

– Никита... Рекунов, – прозвучал вдруг рядом холодный голос. – вы просите девушку о невозможном. Она не может с вами поменяться, так как я и только я решаю, кто будет в первой группе. Если вас не устраивает третья группа, вас никто не держит.

Я не смотрела на синеглазого – а это был он, кто же еще, вот ведь наказание мое персональное, но почему-то точно знала, что он сейчас смотрит на наши с Никитой руки, притом смотрит весьма неодобрительно. И точно.

– И отпустите уже, пожалуйста, девушку, – все так же холодно, но, пожалуй, уже даже немного зло добавил киару.

Ник отпустил. И, не сказав мне ни слова, бросился вслед за направившимся обратно в аудиторию синеглазым инопланетянином. Видимо, будет уговаривать теперь его. Чувствуя себя до крайности глупо, я еще некоторое время побродила по коридору, а потом, разозлившись на всех: на себя – за то, что жду Никитоса, на него – за то, что сбежал, ничего не сказав, на синеглазого – за то, что вмешался и делает вид, что не помнит моего имени, а я уверена, что помнит, отправилась домой.

А на следующий день на наш «урок» Никитос пришел в таком виде, что я чуть сознание не потеряла. У него был фингал, рассечена бровь и щека, даже швы наложены, а левая рука так вообще в гипсе.

– Ох, – только и смогла сказать, открыв ему дверь. Хорошо еще, что родителей и брата нет, а то охов было бы куда больше... – Что... Что произошло?

– А на что похоже? – почти беззлобно огрызнулся он.

– На избиение, – честно и растерянно признала я.

– Бинго! – попытался улыбнуться, но тут же болезненно скривился Никита. – У меня проблемы, Машуль.

– У меня большие проблемы, Машуль, – повторил он, сидя на кухне и наблюдая, как я хлопочу, заваривая запрошенный зеленый чай. – Такие большие, что мне желательно скрыться не только из города, но и вообще с этой планеты. Вот зачем мне в этот проект. И вот почему мне очень надо в первую группу. Каждый лишний день уменьшает мои шансы остаться живым... ну или как минимум здоровым.

– О Боже... – прошептала я, присаживаясь и машинально отпивая из кружки, которую налила для Никиты. – Боже, Боже мой... Конечно, я поменяюсь! Что же ты сразу не сказал?! Но еще же все равно целый месяц... как же?... Как же быть?

– Увы, – снова скривился Никита. Я не могла спокойно смотреть, как его перекашивает, у меня сердце кровью обливалось, а к глазам подступали слезы, но я держалась, стараласьшний раз не охать и даже не вздыхать. – Киару непреклонен, меняться нельзя. И дополнительно в группу он меня тоже не возьмет.

Никита горько вздохнул, и я тоже.

Как такового занятия у нас в этот раз не получилось, я постоянно скатывалась на вопросы, и кончилось все тем, что Никита же меня и утешал. Но как он так вляпался, рассказывать не стал.

Когда он ушел, я в панике заметалась по квартире. Сердце у меня было не на месте, и мозги, как потом выяснилось – тоже. Мне почему-то вдруг показалось логичным и правильным, да что там, жизненно необходимым и единственно верным, отправиться к киару и уговорить его взять вместо меня Никиту. Да, я готова была не полететь и потерять Никитоса на долгих два года, если не навсегда, лишь бы жил. Да и, признаться честно, ощутила некоторое облегчение при мысли, что мне не надо будет никуда лететь. Все-таки некомфортно мне от предстоящего близкого соседства с ними, инопланетянами.

Но где его искать, этого загадочного киару? До нашего тренинга-тимбилдинга еще неделя, да и непонятно, будет ли он там... Надо найти его раньше, ведь за неделю я вся изведусь от тревоги за Никиту и чувства вины, что не согласилась сразу поменяться. Сомнений, что я смогу уговорить киару, у меня почему-то не возникало. А ведь должны были, особенно учитывая наш предыдущий опыт общения. Но молодость самонадеянна, так что, полная уверенности в собственных силах и даре убеждения, я сосредоточилась на поисках информации.

Обшарив весь сайт проекта, узнав, кстати, при этом много нового, но бесполезного сейчас, я все же отыскивала контакты киару. Будем надеяться, что это именно этот киару, а то мало ли... Хотя «контакты» – это громко сказано, всего лишь номер телефона, скромный и безликий, как и сам титул его владельца. И тут на меня напал ступор. Казалось бы, что может быть проще – взять и позвонить. И даже не надо ничего говорить по телефону, ничего такого, просто вежливо попросить о встрече, а уже там, лично, озадачить его своей жизненно важной просьбой. Но нет, никак. Я несколько раз набирала номер и стирала, так и не нажав «позвонить», и уже даже начала ненавидеть и презирать саму себя за такое слабоволие, но потом решила, что звонок только испортит дело. Он ведь наверняка откажется со мной встречаться, может, и разозлится еще, что я его достаю по телефону... Нет. Мне надо отыскать его лично... Но где? Подкараулить возле университета? Кто ж знает, когда он там появится... А где еще? Где они вообще живут-то, наши инопланетные друзья? Что там говорит по этому поводу всезнающий Интернет?

Интернет мне действительно помог, даже несмотря на мой по-дурацки сформулированный запрос: «Где можно встретить инопланетянина?», а может, даже и благодаря ему – третья же ссылка была на благотворительный вечер, на котором обещали возможность лицезреть руанскую делегацию в почти полном составе. Значит, дело за малым – надо туда попасть, тем более что это уже завтра.

Увы, но «малое» оказалось очень даже немалым. Двадцать тысяч за билет. Двадцать! Тысяч! Это больше, чем пять моих стипендий или же зарплата за месяц подработок... И за что? За сомнительное удовольствие любоваться на постные руанские лица или же, если очень повезет, перемолвиться парой слов с кем-то из них? Да я это все бесплатно имею и даже рада была бы кое от чего избавиться!

Я уже почти закрыла страницу этого бесстыже дорогого вечера, чувствуя себя оскорбленной такими расценками, но тут перед глазами возник скривившийся от боли и баюкающий сломанную руку Никитос... и я купила билет, потратив почти все деньги со своей карточки. Не буду говорить, что не испытывала сожалений, но что такое двадцать тысяч в сравнении с жизнью любимого? Пшик, и не более того.

Всегда ли приятно чувствовать себя особенной? Правильно. Далеко не всегда. А я абсолютно точно сейчас особенная: среди всех тех, кто съезжается к месту проведения этого невероятно дорогого мероприятия, я единственная добираюсь на метро. И в самом деле, отдав за

билет двадцать штук, стоит ли экономить тысячу на такси? Надеюсь только, не начнется дождь, а то и так жалкое подобие прически на моей голове совсем разрушится. Да и платье забрызгать не хотелось бы, его я позаимствовала у подруги, как и туфли, которые для ходьбы, похоже, не предназначены. Ну или это у меня ноги не такие. Потому что идти в них – мучение. Я даже сказку про русалочку вспомнила, кажется, ей тоже было больно ходить, и пошла она на это ради любимого, как и я.

Уф. Ну наконец-то. Надеюсь, с фейс-контролем проблем не будет? А то вдруг по мне видно, что я и рядом с такими деньгами не стояла... вот разве что теперь постою. Или что я инопланетян уже почти ненавижу, причем в основном за неудобные туфли и дорогой билет, хоть и нечестно и бессмысленно в этом их винить...

Странно, но меня пропустили. Сама себя я бы точно развернула, наверняка же видно, что девушка немного не в себе – лихорадочно оглядывается, ругается под нос и периодически припадает на одну ногу – каблук, зараза, подворачивается. Хотя за двадцать-то тысяч... И с чего я взяла, что к этому платью обязательно нужны каблуки? Хотя дома туфли вели себя куда приличнее... Да и что уж теперь.

Вокруг было много нарядных людей, много еды, несколько инопланетян... и ни одного синеглазого киару. Я обошла весь зал, целых три раза в одну сторону и четыре в другую, шла медленно, внимательно присматриваясь ко всем. Перепробовала большую часть представленного фуршетного меню, тоже совершенно не торопясь и даже смакуя. Отшила нескольких желающих знакомства человеческих мужчин. А синеглазого киару все не было видно. И, промаявшись два часа, я, наконец, призналась себе в очевидном, но страшном: он не появится. Я выбросила двадцать тысяч просто так. Бестолковая и невезучая я. Бедный и не менее невезучий Никитос.

Надо было уходить. Быстрее, пока я окончательно не превратилась в тыкву: не сломала каблук, не разревелась и не опрокинула на платье один из этих замысловатых коктейлей, которые так и напрашивались ко мне в руки. До этого момента я строго воздерживалась от представленного тут в изобилии алкоголя – не хотела, чтобы у киару был предлог подставить под сомнение серьезность нашего разговора. Разговора, который, похоже, не состоится. От последней мысли глаза защипало, и я заторопилась из зала, чувствуя, как к уже подступившим слезам добавляются новые, и понимая, что не справлюсь и все же зареву. А делать это, ясен пень, лучше в туалете, там и эти дурацкие туфли можно будет снять, хоть какое-то облегчение и радость в этот гадкий вечер.

– По лестнице вниз, налево, первая дверь, – любезно подсказал мне официант, и я, стараясь вытирать слезы так, чтобы не размазать тушь, направилась к лестнице.

Вверх, налево... а вот и дверь. Толкнула я ее уже со всхлипом, сделала шаг вперед и тут же отступила назад, заморгав от яркого света и пискнув «Извините!». Это был не туалет. И табличка на двери «Зал «Неаполь» об этом предупреждала весьма недвусмысленно. Где были мои глаза? И где была моя голова, когда я пошла наверх? Вниз! Он ведь точно сказал «вниз!». Ох! Обозвав себя слепой курицей, побрела обратно к лестнице, по пути не выдержала и осталась снять туфли. Правая далась легко, а застежку левой заклинило, и я, чертыхаясь и закапывая слезами пол, возилась с ней слишком долго...

– Мария Романова, вам помочь? – ну конечно, если киару и появляется, то в наихудший момент.

Я поспешно выпрямилась, а он подошел ближе. Видимо, он был в этом зале, куда я сунулась, там вообще много народа было, я толком и не рассмотрела никого, а вот синеглазый успел меня заметить. И почему-то выскочил за мной. Интересно почему?

– Мария? – удивительно, но прозвучало как-то даже мягко. И растерянно. – Что у вас случилось? И... что вы тут вообще делаете?

И посмотрел на правую туфлю в моей руке. Видимо, в поисках ответа.

Я всхлипнула и не нашлась, что сказать. Дурацкая ситуация. Дурацкая! Неловкая! Стыдная! Невыносимая!! Сейчас просить совершенно невозможно. Хочется просто извиниться за свой нелепый вид и исчезнуть. Как-нибудь. Желательно моментально. Провалиться. Испариться. Телепортироваться. Только бы не стоять больше под этим пристальным взглядом!

– Я отвезу вас домой, – вдруг сказал он, и я кивнула, удивляясь, насколько нереальным становится этот вечер. Но отказаться бы не смогла, даже если бы и не разыскивала здесь именно его.

Мы оба снова посмотрели на туфлю в моей руке. И на мои ноги.

– Вам помочь одеться... или раздеться? – спросил киару, кажется, немного даже смутившийся от двусмысленности своего вопроса. Или это я смутилась за нас двоих.

И – вот откуда только наглость взялась? – молча протянула ему туфлю, чтобы тут же ощутить себя Золушкой – киару опустился на колено и ловко пристроил это орудие пыток на мою многострадальную ногу. Поднявшись, предложил руку: «Идемте?».

И мы пошли. Молча. И за это молчание я была ему благодарна, пожалуй, больше всего.

Заговорил он только, когда мы уже сели в машину.

– Адрес?

Я назвала, и снова повисла тишина. Мягко урчал мотор, пожирая километры, и казалось бы – вот оно, самое время заговорить о своей просьбе, но... но. Почему-то я медлила. То ли трусила, то ли момент подходящий ждала, сама не знаю, надеюсь только, что вздыхала не очень громко. Чувствовала я себя при этом до крайности глупо – отыскать киару ценой двадцати тысяч и не то чтобы невероятного, но сильного позора, а потом не осмелиться озвучить просьбу – это все равно что купить абонемент в бассейн, забраться на вышку и никак не решаться прыгнуть. Так же по-идиотски и так же необдуманно.

До моего дома мы доехали быстро, я так и не решилась заговорить, а теперь... теперь будет совсем странно: «Спасибо, но у меня к вам еще просьба!» – слишком нагло даже для меня. Ну, вот и все. Машина остановилась, и ее синеглазый водитель вопросительно на меня смотрит.

– Спасибо, – сказала я. И осталась сидеть, глядя прямо перед собой, но ощущая на себе его взгляд. И понимая, что он все больше удивляется, чего это я сижу. Сейчас попросит выйти – подумала я и, вздохнув, ухватила за ручку на двери, как бы сообщая ему, и в первую очередь себе, что никуда не пойду.

– Мария? У вас что-то случилось? Я могу помочь? – верно истолковал мои невербальные сигналы киару.

– Возьмите Никитоса... Никиту Рекунова в первую группу. Пожалуйста! – выпалила я, посылая своему собеседнику умоляющий взгляд. И добавила уже куда тише и неуверенней, так как выражение синих глаз из сочувствующе-обеспокоенного стало непреклонно-холодным. – Можно вместо меня...

– Нет, – негромко, но как-то очень весомо сказал киару и, заглушив мотор, повернулся ко мне.

– Пожалуйста, – сказала я и сама поняла, что звучит неубедительно и жалко.

– Вы для этого пришли на благотворительный вечер? Искали там меня, чтобы попросить за Никиту Рекунова? – вроде бы ровным голосом спросил он, но я хорошо поняла, что инопланетянин обо всем этом думает. Что я – дура, и, наверняка, что мне в проекте не место. Ну и пусть.

– Да, – выдохнула, чувствуя, как ни странно, облегчение. Прыжок с вышки я совершила, теперь остается только надеяться на удачное приземление.

Киару вздохнул. Взглянул на отчаянно вибрирующий телефон и, сбросив вызов, снова посмотрел на меня. Увиденное ему, похоже, не понравилось – он чуть нахмурился и произнес скорее утвердительно, чем вопросительно:

– Не понимаете, почему нет.

– Не понимаю, – упавшим голосом призналась я, впрочем, не теряя еще надежды его переубедить. Сейчас выслушаю почему «нет» и найду аргументы, чтобы «да».

– У вашего... протеже явно какие-то проблемы, раз он так рвется скорее улететь. При этом он плохо знает язык, и его специализация отнюдь не уникальна, да и профессионализм Рекунова вызывает у меня вопросы. Я вообще его в проект не возьму, не то что в первую группу. Подумайте сами, Мария Романова, зачем мне в проекте посредственный специалист с сомнительными принципами и большими проблемами?

– Но... – сказала я и с ужасом поняла, что возразить-то особо и нечего. Аргументов, чтобы «да» не нашлось. Разве что пригрозить, что я не выйду из машины, пока он не передумает, но это как-то уже совсем несерьезно. Никитка действительно с руанским не очень дружит, да и специальностью своей «не горит»... Разве что про принципы возразить?

– К тому же, – презрительно прищурился киару, – то, что он посылает девушку решать свои проблемы, тоже характеризует его как человека, который нам не подходит. Вас проводить до квартиры?

И я с ужасом поняла, что все испортила. До того, как я решила влезть со своей дорогостоящей и совершенно неудачной попыткой помочь, у Никиты еще был шанс, теперь же... теперь я донесла киару о проблемах моего любимого и создала ему репутацию человека, прячущегося за женской юбкой.

– Он не посылал меня... я сама, – мрачно произнесла, ненавидя себя в этот момент, и упрямо не замечая намеков, что мне пора.

– Любите его, – как-то укоризненно сказал синеглазый. – Из-за него и едете. Так?

– Так, – тихо согласилась я. Потерять свое место в проекте я не боялась, естественно. Без Никиты я и сама не полечу. – И не прошу себе, что навредила ему, пытаюсь помочь.

Киару молча вышел из машины, обошел ее и открыл мне дверь.

– Выходите, Мария. – И, когда мы дошли уже до подъезда, добавил: – Я возьму Никиту Рекунова в первую группу, если вы пройдете туда по итогам финального отбора.

Сказал и направился обратно к машине. Попрощаться ему, естественно, в голову не пришло.

– Спасибо! – крикнула я в инопланетную спину. Не знаю, услышал или нет.

Утром следующего дня мне на карточку вернулось двадцать тысяч, и я почему-то разрыдалась вместо того, чтобы обрадоваться.

Глава 4

Маша пробует себя в слежке

Кажется, к моей ксенофобии, которая, впрочем, немного потускнела и подзабылась на фоне последних событий – все же киару повел себя восхитительно, и настолько, что это даже подозрительно, но сейчас не об этом... Так вот, к моей ксенофобии добавилась паранойя. Мания преследования или что-то в этом роде. Мне стало казаться, что за мной следят. Нет, ничего конкретного я не замечала, и в этом-то все и дело. Мне было бы куда легче, заметить я, что за мной неотступно следует одна и та же машина, например, или что мне попадается часто навстречу одна и та же старушка, и это не наша соседка сверху... увы. Было только какое-то странное чувство, и оно заставляло присматриваться ко всем и вся, дошло до того, что когда со мной попытался на улице познакомиться молодой человек, а я отшила его стандартным «Я замужем!», разве что произнесенным более резко, чем обычно, мне показалось, что он сейчас укоризненно выдаст: «Мария Александровна! Ну что вы врете! Да я ваше досье как свои пять пальцев знаю!». Но нет. Он просто стушевался и отстал, а я ощутила минутную неловкость и даже вину.

Никитос не показывался ни в одном из мессенджеров, вчерашнее занятие пропустил, и я грустила. Про отмену занятия он сообщил как-то странно-отстраненно, хоть и уверял, что все в порядке, из чего я сделала вывод, что он там с девушкой, и это все меня невероятно печалило. А пуще всего – конфликт собственных желаний. С одной стороны, на Никитоса я обиделась, и хотелось проявить гордость – отказаться заниматься с ним вообще, и пусть бы за мной бегал, если ему надо. С другой – при мысли, что у меня не будет повода его увидеть, а значит, будет и меньше шансов вернуть, отмена одного занятия уже не казалась таким уж ужасным проступком.

Словно этого было мало, в мои мысли еще постоянно влезал киару. Проявись он как-нибудь в моей жизни после того благотворительного вечера, будь он (вечер) неладен, я бы сделала вывод, что синеглазый пал жертвой моего обаяния, что, конечно, странно, но вполне возможно, и успокоилась бы насчет его мотивов, но он не появлялся и никак не давал о себе знать. Не искал встреч, не слал цветов и подарков, о которых мне, надо признать, успело немного помечтаться. Все же машина у киару – вау! А богатых парней, как-то так сложилось, у меня никогда не было. Так что хотелось, хотелось мне испытать, каково это, когда тебе приносят сто одну розу каждый день, или что-то в этом роде. О более дорогих подарках – машина и драгоценности я не помышляла, ибо отвечать инопланетянину взаимностью категорически не планировала. Но он и малых моих ожиданий не оправдал, так что я нет-нет да и возвращалась к вопросу: а что ему от меня надо, этому синеглазому? И надо ли вообще?

До первого тренинга было еще два дня, я маялась от безделья и тосковала по Никите, и, должно быть, именно это толкнуло меня на поиски приключений. Я вдруг решила за ним проследить. За Никитой, конечно же, киару-то мне зачем? А-а-а, вот опять в мыслях вертится. Вот же ж... А если Никита так и не выйдет из дома? Или, наоборот, уже давно ушел, а я как идиотка буду караулить его у парадной в этой огромной соломенной шляпе и громадных темных очках, делающих меня похожей на стрекозу? Не знаю, почему я их купила, поддалась, наверное, общей моде, но теперь вот пригодятся. С другой стороны, сидеть дома все равно скучно и невыносимо, а так хоть прогуляюсь.

Где-то на периферии сознания маячила мысль, что это может быть опасно, если у Никитоса проблемы, то как бы и мне не вляпаться, но... во-первых, молодости свойственно быть оптимистично-беспечной, а во-вторых... я буду осторожна. Никто даже и не поймет, что я слежу. Я ведь совсем немножко. Просто посмотрю на него и пойду. А для маскировки возьму с

собой альбом для рисования, мне давно пора попрактиковаться в набросках, так почему бы не сделать это у парадной Никиты Рекунова. Тьфу ты. Чего это ко мне повадки киару прилипают? Это ж в его стиле – имя плюс фамилия. Как будто возле него с десяток Марий толчется... хотя, может и толчется. Все же экзотика. Ну и пусть толкуются, мне-то что? Мне не надо.

Собиралась я в приподнятом настроении, не хотелось признаваться в этом, но шанс увидеть Никиту бодрил и будоражил, как и само приключение. Я даже решила, что если за час, пока сижу в засаде у его подъезда и рисую, он не появится, то я зайду навестить. Чисто по-дружески, разумеется. Надо будет только придумать, где оставить эту идиотскую шляпенцию, в сумку она не влезет вообще никак.

По дороге к дому Никиты – он жил всего в получасе ходьбы от меня, а день был чудесно-летним, так что шла я пешком, я боролась с проснувшимся во мне духом авантюризма, который вкупе с и так набравшей силу манией преследования, требовал провернуть какой-нибудь киношный финт, чтобы уйти от слежки. В магазин там зайти, или в кафе, и выскочить через черный ход. Или вскочить в уходящий автобус, в метро нырнуть, в конце-то концов... но я держалась. Потому что за тем, кто один раз улизнул от слежки, будут потом следить куда пристальнее. Так что просто так, из спортивного интереса и неумной жажды приключений, нарываться не стоило. Определенно не стоило.

Итак, что бы такое нарисовать? Кусты и скамейку напротив уже нарисовала. Ничего интересного. Хочется рисовать людей, а они появляются редко, все же середина дня... могу нарисовать Никитоса по памяти, но как-то не вяжется это с маскировкой... может, брата нарисовать? Или Таньку? Или... Вот ведь засада. У меня почти буквально чесалась рука от желания нарисовать синеглазого киару. И, поборовшись с собой еще несколько минут и воровато оглянувшись – мало ли во-о-он в тех кустах кто-то сидит подсматривает, я принялась рисовать. Меня словно прорвало. Вот он сидит за столом в приемной комиссии, вот выгоняет меня из кабинета, а тут, наоборот, смотрит сочувственно, а здесь – помогает надеть мне туфельку, а вот – профиль, когда он вел машину. Я чуть не пропустила объект наблюдения, увлекшись наброском киару в машине, но все же вовремя подняла глаза, повинувшись какому-то внутреннему импульсу.

Никитос вышел из подъезда, но вышел не один. Чудом поборола инстинктивное желание вскочить, захлопнув альбом, и окликнуть его или же броситься следом. Первое было бы, кажется, опасным, а второе – еще и бесполезным. Никиту сопровождала пара мужчин в серых костюмах, и прошли они к неприметному темно-синему автомобилю. В каком-то ступоре я наблюдала, как мой возлюбленный садится в машину на заднее сиденье, и та стремительно уезжает. К такому повороту событий я оказалась совершенно не готова, и лишь когда машина скрылась, я поняла, насколько я тормоз и идиотка. Надо было его все-таки окликнуть, ну мало ли, что он шел сам, а не вели его, заломив ему руки, это же ни о чем не говорит! Может, ему пистолетом пригрозили. Или семьей шантажировали. Ну ладно это, но хоть номер машины могла бы запомнить! А то и записать! Ан нет, стояла, ворон считала... У-у-у! Зла на саму себя не хватает!

И что теперь делать? Бежать в полицию? Нет, не вариант: во-первых, Никитос вроде бы шел добровольно, во-вторых, я ему – никто, а в-третьих, как знать, не задействована ли тут полиция или еще какая силовая структура?

Я лихорадочно бросилась звонить Никите. Услышь я, что абонент – вне зоны действия сети, наверное, отправилась бы в полицию или к Никитиным родителям, но в трубке были гудки... и только гудки. Может, ему не разрешают ответить? Или он просто забыл телефон дома? А может, не слышит? Или... или просто не хочет со мной говорить.

Я проскользнула в подъезд – знаю код от домофона, который открывает его, Никитос научил – и, поднявшись на третий этаж, снова нажала на вызов на телефоне и припала ухом к двери квартиры. Вроде бы там ничего не звонит... И что мне это говорит? А ни черта не гово-

рит. Телефон может быть в квартире без звука, или просто у них тут звукоизоляция хорошая, я как-то не обращала внимания на этот вопрос, пока мы встречались.

Быстро, пока не передумала, нажала на звонок, прослушала залиvistую трель – либо звукоизоляция двери так себе, либо звонок уж очень громкий. Выждала, позвонила еще. Подергала дверь. И, несолоно хлебавши, отправилась обратно на улицу. А по дороге меня осенило – надо звонить брату.

– Лешка! – взмолилась я, едва он снял трубку. Соверши ради меня должностное преступление!

Брат у меня молодец. Учится на третьем курсе, но уже подрабатывает, даже, скорее, полноценно работает. Я в этом отношении чувствую себя разгильдяйкой, ибо мои подработки ни в какое сравнение с его регулярной зарплатой не идут. Да, я пока что сижу у родителей на шее, и хоть на одежду и всякие развлечения зарабатываю сама, кормят меня они. Впрочем, зато я училась на бюджетном отделении, а братеньник – на платном. Он у меня умный, но раздолбай. И добрый. Сестру и родителей любит. А главное – работает-то он как раз на того оператора, услугами которого пользуется Никитос.

– Иди в пень, – огрызнулся добрый и любящий брат. Но я, естественно, не сдалась.

К чести Лешки надо сказать, что он очень не хотел идти мне навстречу, убеждал бросить эти глупости, предлагал, что сам позвонит Никите и поговорит с ним – дескать, вдруг я его просто уже достала, и он поэтому не отвечает... Сдался он после этого:

– Вот мы с тобой тут спорим, – сказала я и совершенно искренне всхлипнула, – а его, может быть, сейчас в лес везут, со связанными руками и ногами... ему, может быть, жить всего несколько минут осталось!

Выдавив последнюю фразу, я разрыдалась – воображение у меня хорошее, так что озвученный сценарий я успела прочувствовать, словно он на самом деле происходит, и я точно об этом знаю.

– Диктуй номер, – мрачно буркнул брат и, кажется, добавил что-то еще не очень цензурное. – Проверю – перезвоню.

Две минуты тридцать девять секунд. Ровно через столько он мне перезвонил.

– Дура ты, Машка, – сказал он, и по тону я поняла, что можно выдохнуть, и все не так уж и плохо. – Записывай примерный адрес.

Я записала адрес – что-то знакомое, и, едва положив трубку, бросилась смотреть в Интернете. Хорошая новость – это недалеко. Плохая – адрес действительно примерный. То есть выбор у меня как минимум из двух жилых домов, школы и торгового центра. Обновлять информацию Лешка категорически отказался, так что у меня мелькнула даже мысль отправиться домой... хорошая такая, здравая мысль. Жаль только, что мелькнула и пропала. Я просто прогуляюсь по торговому центру, сказала я себе. И даже почти в это поверила. Мне ведь давно нужен... зонтик. Да. Точно. Пусть будет зонтик.

Ну, что сказать... зонтик у меня так и не появился. До торгового центра я добралась за двадцать минут, беспорядочно там пошаталась, заглядывая в рестораны и магазинчики, Никитоса, увы, не нашла, что, в общем-то, было ожидаемо, хоть мне и не хотелось этого признавать. Леха, зараза такая, мои звонки игнорировал, так что я почти смирилась и решила уходить. Впрочем, не удержавшись и завернув в один пафосный магазин на первом этаже – уж очень мне глянулось платье на манекене в витрине. Покупать я его не собиралась – знаю я такие магазины, там любая вещь дороже, чем билет на тот гадкий благотворительный вечер стоит, нет у меня таких денег, нет. И желания тратить столько на шмотки – тоже. Но это не мешает мне их примерить. И то, что продавщицы смотрят на меня, как на земляного червяка, – тоже. Вот странно, да? Явно же они сами тоже не могут позволить себе тут одеваться, а смотрят так,

словно магазин принадлежит им. Но это не так. Вот эту черную я помню – она раньше на втором этаже в магазине белья работала, и тоже была такой же буквой...

Назло собственному стеснению и чувству неловкости, захватившему меня, едва переступила порог, я набрала максимально возможное количество вещей – шесть, и окопалась в примерочной. Вещи мне ужасно шли. Они идеально сидели. Льнули к телу. И вообще вели себя крайне неприлично, так, что снимать их было невыносимо грустно. Зачем я сюда зашла? Одно расстройство...

Горестно вздохнув, сняла особо понравившееся платье, погладила его кончиками пальцев, аккуратно разместила на вешалке и, одевшись, собралась уже выходить, когда совсем рядом, за тонкой стенкой примерочной кабинки, раздался до боли знакомый голос:

– Тебе идет, – сказал Никитос, и я на какую-то секунду вопреки всякой логике подумала, что это он мне. Но, конечно же, нет.

– Я у тебя вообще красивая, – кокетливо отозвался женский голос, а меня парализовало от взрывного коктейля эмоций.

Я тут переживаю за него, голову ломаю, как спасти, брата практически на преступление толкнула, а он... он... шляется по магазинам с какой-то девицей. Еще и в кабинку с ней зашел, словно муж...

Я уже не сомневалась, что у Никитоса все в порядке, и будет тоже все хорошо, и моя помощь ему совершенно ни к чему, но из какого-то мазохизма решила за ним еще последить. Чтобы посмотреть на нее, на эту... тут я себя одернула. Обзывать более удачливую соперницу – не дело, хоть и хочется. В общем, я аккуратно выглянула и, убедившись, что соседняя примерочная закрыта, бросилась прочь из магазина, под удивленно-подозрительными взглядами продавщиц. Но на выходе детекторы не издали ни звука, так что я беспрепятственно оказалась в общей галерее. Меня трясло, но слез почему-то не было. Хотелось думать, что это какая-то ошибка. Что там был не он. Мало ли. Может, мне показалось. Бывают ведь очень похожие люди, и голоса бывают очень даже одинаковые. Да и интонации вроде были не те. Не его. Вот сейчас посмотрю, уверюсь, что не он, и отправлюсь домой, завязав навсегда с этими шпионскими играми. Как-то оно не по мне. А Никитосу отправлю смс, что обращусь в полицию, если немедленно не перезвонит. Успокоив себя таким образом, стала ждать, когда же мои соседи по примерочной кабинке оттуда выйдут. Но события завертились по-другому.

Первая моя ошибка заключалась в том, что я не сочла нужным отойти подальше от магазина, так и маячила возле стеклянной витрины. Вторая – я совсем забыла про мужчин в серых костюмах, а ведь должна была помнить, пока оставалась хоть какая-то вероятность, что там действительно Никита. И, положив руку на сердце, вероятность эта была куда больше, чем мне хотелось признавать. Ну а третья, уже, наверное, мало что решающая оплошность – моя приметная шляпища. По правде говоря, не думаю, что она что-либо действительно решила. Самый главный мой провал был в том, как я отреагировала на подошедшего ко мне мужчину в сером. Вместо того чтобы вопросительно на него посмотреть, не выказывая никакого волнения, я вздрогнула и поддалась на мгновение приступу паники, отступила на шаг с ужасом в глазах, а потом бросилась бежать. И он тоже побежал. Насколько идиотским был мой поступок, я поняла сразу, но возвращаться назад и изобретать какую-нибудь ложь было уже поздно. Я бежала, проклиная каблуки, собственную глупость и своего преследователя, и никак не могла сосредоточиться на поиске решения. Пока меня спасает лавирование в толпе, но скоро все закончится, еще немного, и я упрусь в главный выход, и там он живо меня догонит. Думай, думай, думай! И вовсе не о том, какой Никитос козел.

Скорее чисто на интуиции, нежели руководствуясь какой-то осмысленной идеей, я нырнула в крупный спортивный магазин. Если не ошибаюсь, он проходной, и я смогу попасть к одному из боковых входов. А если ошибаюсь... что ж... если ошибаюсь, то придется познакомиться с преследующим меня мужчиной поближе. Я уже даже решила, что, если ситуация

станет безвыходной, сфотографирую этого в сером и отправлю Лешке. Пусть знает, кто видел его сестру последним... Но доводить до этого не хотелось бы.

Боковой ход выходил на оживленный проспект, и я надеялась поймать там машину и таким образом уйти. Нормальный план ведь, ну?

Мне повезло – неподалеку был светофор, и он как раз загорелся красным. Не задумываясь ни на секунду – некогда, просто некогда! – я бросилась к одной из машин в среднем ряду и отчаянно рванула ручку передней правой двери. Разумеется, дверь была заперта. Я в отчаянии обернулась – серый был уже в паре метров, и без всякой надежды рванула ручку еще раз. Сама бы я точно себя не пустила, но водитель выбранного мной автомобиля был явно храбрее и жалостливее – ручка поддалась, я, распахнув дверцу, буквально ввалилась внутрь, торопливо запираясь и борясь с желанием переползти на водительское сиденье, подальше от стучащего в окно серого.

– Мария Романова, и как вы меня все время находите? – задумчиво сказал водитель, а я со стоном откинулась на спинку сиденья.

Машина мягко тронулась – загорелся зеленый, и мне почему-то на мгновение захотелось даже вернуться к серому. В конце концов, он хоть человек.

Вообще, людям свойственна эмоциональность и неблагодарность, и я, увы, не оказалась исключением. В данный момент я ненавидела Никиту и все, что с ним связано, а значит, и киару с его дурацким проектом – тоже. Поэтому, неприязненно покосившись на синеглазого инопланетянина, я нелюбезно буркнула:

– Это последний раз, когда вы меня видите, не переживайте.

– Вот как? – спокойно спросил киару, останавливаясь перед пешеходным переходом. Но это я потом сообразила, что он притормозил из-за пешеходов, а так успела уже решить, что он меня сейчас высадит. За грубость, хамство и общую невменяемость. А там и человек в сером костюме меня догонит, и все. Конец одной любопытной Машуньке. Я даже уже собралась было извиниться – гордость гордостью, а жить-то хочется, но тут машина снова тронулась, а синеглазый все так же спокойно спросил. – И почему же?

– Потому что я никуда не поеду, – тоном обиженного ребенка сообщила я. И сама понимала, что как-то глупо и совсем по-детски звучит, но поделаться ничего не могла. Разочарование, обида и злость на Никитоса и на судьбу-злодейку буквально выплескивались из меня, а бедному киару просто не повезло оказаться рядом. Впрочем, в проект мне теперь действительно не нужно. Так что хоть это к лучшему – сразу расставляю все точки над «и», «е» и любыми другими буквами.

– Поедете, – уверенно и как-то раздражающе-самодовольно прозвучало в ответ.

– Нет, – сказала я, удивляясь про себя непонятливости некоторых. – Я не буду участвовать в этом вашем проекте.

– Будете, – не согласился он.

– Нет, – сказала я. Тогда мне еще казалось, что это он просто не верит в серьезность моих намерений, считает, что я перебешусь и передумаю. А я не передумаю. Давно пора вычеркнуть Никитоса из своей жизни. Вот пусть он и улетает на эту дурацкую планету, живет там в холоде, голоде и окружении инопланетян. А я... я... я устроюсь на какую-нибудь крутую работу, выйду замуж за идеального мужчину, рожу ему троих идеальных детей и... И не знаю. Наверное, буду счастлива? Я обязательно буду счастлива. – Не поеду! – повторила, пытаясь оставить последнее слово за собой.

Он промолчал. Но как-то так выразительно, что я поняла его очень хорошо.

– Вы не можете меня заставить, – почти уверенно сообщила ему.

– Мария, – вздохнул киару, все так же глядя исключительно на дорогу, – как вы думаете, откажет ли мне ваше Правительство, если я попрошу у них... вас.

– Что? – пораженно выдохнула я. – Что значит «попрошу вас»?!

– Вы нужны мне в этом проекте, а значит – поедете, – жестко сообщил синеглазый и совсем другим, галантным тоном добавил: – Куда вас подвезти?

– Остановите, – потребовала я, стискивая руки от волнения и зубы от злости. – Остановите машину.

– А кто вас преследовал? – совершенно невозмутимо поинтересовался киару, и не думая выполнять мою просьбу.

Он, наоборот, даже перестроился в левый ряд.

Отвечать не хотелось, и я лишь раздраженно передернула плечами. Невежливо, конечно, но, может, так и надо? Произвести неприятное впечатление, чтобы он сам отказался от своей бредовой затеи... потому что стоит вспомнить мое знакомство с представителем спецслужб, и становится понятно: отдадут. Легко и с удовольствием.

– Почему вам нужна именно я? – постаралась спросить ровно, но голос дрогнул. Я упрямо запрещала себе думать о Никите, мне ведь не хотелось разрыдаться в присутствии этого типа. Но мысли, они не всегда послушны воле человека, да и отходняк начался, так что глаза у меня были, что называется, на мокром месте. И место это становилось все мокрее.

– Узнаете в свое время, – почти доброжелательно сообщил киару, и мы оба замолчали.

Отвернувшись от него, смотрела в окно, совершенно бездумно, не видя и не понимая, где мы едем. Справиться со слезами не получалось. Я даже зажмурилась, но все тщетно – горячие и соленые, они обожгли глаза и потекли вниз по щекам. Все напрасно. Полгода моей жизни – напрасно. Что, что я сделала не так? Я ведь ему нравилась, не зря же он меня так долго и упорно добивался! Я в принципе многим нравлюсь. Где же я облажалась? Слишком привязалась к нему? Или, наоборот, недостаточно его любила? Кто бы ответил... А может, он с ней из-за денег? И я просто не разбираюсь в людях? Он ведь никогда не казался мне жадным и озабоченным деньгами... или его вообще заставили? Может, он все же в беде? Да нет, не похоже... голос вполне веселый был.

Не удержавшись, на последней мысли я отчаянно всхлипнула, машина тут же вильнула вправо и довольно резко остановилась.

– Вы плачете? – спросил киару, и мне померещилась в его голосе растерянность. Впрочем, наверняка лишь померещилась. – Мария...

Уже не таясь – что толку-то? – еще раз всхлипнула и вытерла слезы. Перед синеглазым было почему-то мучительно неловко. «Мне все равно, что он обо мне подумает», – зло приказала я сама себе, но почему-то не особо действовало.

– Вам ничего не грозит, – мягко сказал инопланетянин. – Но вы... вы ведь не из-за этого. Не из-за проекта плачете.

Я не очень внятно замотала головой, скорее, пытаюсь передать «отстаньте от меня!», нежели ответить на вопрос, и попыталась сбежать из машины – задергала ручку многострадальной двери теперь уже изнутри, и примерно с тем же результатом, что и первая попытка снаружи, – дверь не открывалась.

– С вами, – вдруг раздраженно сказал киару, снова вырuling в поток машин, на мой взгляд, резковато, кажется, ему даже посигналили, – я чувствую себя... нянькой. И мне это не нравится. Сидите, – приказал он, хотя на ходу я и так выпрыгивать не собиралась, – через три минуты будете дома.

– Вот и не берите меня в проект, раз не нравится! – предложила я и шмыгнула носом. Вопреки канонам платок он мне не предложил. Может, у руан в принципе нет насморка? Поэтому и платки не носят? Или ему просто жалко?

– Мария Романова, я не торгуюсь. И решений не меняю.

Угу. «Мачете не смс-ит», киару не торгуется...

– Давайте, – сказала я. И, поймав немного удивленный взгляд, продолжила. – Давайте. Просите меня у Правительства. По своей воле я с вами никуда не поеду.

Киару равнодушно пожал плечами, еще пару минут мы провели молча, и, наконец, машина затормозила во дворе моего дома. Запомнил. Как он вообще так хорошо в нашем городе ориентируется?

– Прощайте, – сказала я, вылезая, и, каюсь, специально громко хлопнула дверью. Но это не помешало мне услышать:

– До встречи, Мария Романова, до встречи.

Глава 5

Маша делает глупости

Про альбом с набросками я вспомнила слишком поздно. Он остался там, в машине у киару, и самое унижительное, что все-все наброски посвящены как раз этому синеглазому негодяю. Ладно бы один-два в череде прочих, но нет же, я в своем каком-то странном помешательстве рисовала только эту инопланетную сволочь. О чем теперь дюже жалею. И это его мне хотелось заполучить в ухажеры? Чур меня, чур! Теперь мне хочется, чтобы он навсегда обо мне забыл, и самой забыть, хотя бы ненадолго, но не выходит – я представляю, как он смотрит наброски, как по его лицу расползается самодовольная ухмылка, и мне хочется взять альбом и отдубасить эту инопланетную физиономию. И плевать на дипломатическую неприкосновенность, или что там у него есть.

Он ведь наверняка решит, что я в него влюблена. И это невероятно, просто не выразить даже как унижительно! Вот что мне стоило хотя бы шарж нарисовать!..

Вечером же мне позвонил Никита. С незнакомого номера и пьяный вдрызг. Или в хлам. А то и в зюю. В общем, очень-очень пьяный. Если честно, увидев неизвестный номер, я почему-то подумала, что это киару, и сердце пропустило удар. И зачем ответила – сама не знаю. Может, чтобы сорвать на нем злость от своей беспомощности, высказать все, что я о нем и о его методах думаю. Или же чтобы оправдаться за наброски, сообщить ему, что это я по заказу университетской стенгазеты рисовала... не знаю. Но на том конце провода, хотя какие провода в наш век сотовой связи и вай-фая, оказался Никита. Позвони он со своего номера, я бы и не подумала взять трубку, по крайней мере так быстро, и если бы и сняла, то успела бы подготовиться морально. А так он застал меня врасплох.

– Машулечка, – сказал он. – Прости, что беспокою тебя, но ты – единственный человек, которому мне хотелось позвонить.

И я не нашла в себе сил повесить трубку. Почему-то мне представилось, что он чуть ли не стреляться или с крыши прыгать собрался, я же никогда себе этого не прощу! А даже если и не собрался, то пьяный Никитос – само по себе событие чрезвычайное. Я, по крайней мере, не видела такого ни разу. Но и заговорить с ним тоже не смогла.

– Машуня, ты тут? – спросил Никита, и кому-то, кто был рядом с ним, – да сейчас, сейчас! – И снова мне. – Машуля... Ты – лучшая... лучшая девушка, которую я знаю! Можно?... М-м-можно я сейчас приду позаниматься ру... ра... ну, этим, языком инопланетным.

Я посмотрела на часы – десять вечера. Вся моя семья дома, а мама, может, уже и спит. А тут придет пьяный Никитос, с которым я к тому же еще не знаю, как себя вести...

– Давай завтра, – не очень решительно, зато очень сухо предложила я.

– Ой... я тебя, наверное, разбудил? – вдруг засуетился Никита. – Прости! Да, конечно, давай завтра! Пока. Целую!

И повесил трубку. Целует он меня, ага. И я – лучшая девушка, которую он знает... и только мне ему хотелось позвонить... эх... я почувствовала, как моя решимость покончить с чувствами к Никите стремительно рассыпается.

Я успела уже немного остыть, и теперь мой мозг сам придумывал оправдания для Никиты, вероятно, не желая отказываться от концепции «единственного на всю жизнь». А звонок только подлил масла в огонь. Он ведь ничего мне не обещал, Никита-то. Это я сама решила, что надо его снова покорить, так что нет никакой подлости и никакой его вины в том, что он проводит время с другой девушкой. Вероятно, он даже и не знает, что я к нему чувствую. А я, получается, спасовала перед первой же преградой... А может, он с этой девушкой, чтобы спастись от своих проблем, вон телохранители за ним заезжают...

«Прости! И сладких снов!» – добила меня контрольная смс-ка от Никитоса.

Я снова его любила, была готова завоевывать и спасать... вот только отношения с киару уже испортила.

Неожиданно объявился Ромка. Да-да, тот самый, к которому я бегала на свидания на третьем курсе. Но потом его семья переехала за границу, очень далеко, и наши только начинавшиеся отношения развалились, не выдержав проверки расстоянием. Первое время мы еще пытались как-то дружить, но из-за разницы во времени хоть какое-то подобие живого общения не складывалось, письма становились все реже, пока не остались только поздравления с новым годом и днями рождения. И то, я в этом году и день рождения его пропустила.

И вдруг звонок. Еще толком не проснувшись и увидев незнакомый номер, почему-то опять подумала про киару, потом, разозлившись на себя, на Никитоса, и разозлилась уже на него. Сколько можно названивать с чужих номеров? От этой своей богачки прячется что ли? Хочет и ее сохранить и со мной замутить?

– Да! – нелюбезно огрызнулась я в телефон и ушам своим не поверила, когда оттуда раздалось:

– Мари! Разбудил?!

Даже не узнай я голос, это обращение использовал только Ромка, я помню, мне это очень нравилось, я сразу представлялась себе этакой утонченной и изысканной, даже если мы только что закончили играть в пейнтбол, и на мне старая одежда брата, щедро покрытая пятнами краски.

– Ромка! – тепло и радостно отозвалась я и заулыбалась. Наверное, все дело в том, что жизнь нас очень своевременно развела: мы прониклись друг к другу симпатией, но не успели накопить негатив, так что и голос, и само имя навевали только приятные воспоминания.

Конечно же, я согласилась встретиться. Мысли о Никите и киару полностью отошли на второй план, я словно вернулась на два года назад, когда ни об одном, ни о другом знать не знала, ведать не ведала. И мне от этого неожиданно стало очень радостно.

Ромка повзрослел. Возмужал, подкачался и загорел. Практически мечта любой разумной девушки, не говоря уже о неразумных.

Мы гуляли, болтали, и как-то так само получилось, что я рассказала ему все. И про Никиту, и про киару, и про этот странный проект, и даже про то, что забыла альбом у киару в машине, правда, умолчала о том, что там наброски на очень ограниченную тему. Мне до сих пор было мучительно неловко от одной мысли, что кто-то это увидит или об этом узнает. И почему я сразу не порвала на клочки и не выбросила? Ну и что с того, что киару у меня получился уж очень хорошо?..

– А давай его заберем! – вдруг выдал Ромка, и я поняла, что ни капельки он не изменился, все такой же рисковый. На всякий случай уточнила:

– Кого? Куда?

– Твой альбом у этого твоего... чужого!

Сначала я не приняла это предложение всерьез и попыталась отмахнуться:

– Ты совсем дурак, что ли? Это незаконно!

Но Рома уже завелся.

– Да брось! Что незаконного в том, что ты забереешь свою вещь?

– Взлом с проникновением? – предположила я.

– Да не будет никакого взлома! Он, наверняка, так и возит его в своей машине, может, и не заметил даже! Я отвлеку этого твоего киару на каком-нибудь перекрестке, выманю из машины, а ты забереешь альбом, ну?

Я посмотрела на горящие энтузиазмом зеленоватые глаза Ромки и почему-то ощутила раздражение, правда, не смогла сформулировать от чего именно.

– Он не мой, – буркнула. – И увидев, что у него пропал исключительно мой альбом, он, конечно, ни о чем не догадается.

– Ну, прихвати еще что-нибудь! – не сдавался Роман.

– Ага, чтобы на меня точно завели уголовное дело, – фыркнула я.

– Давай наоборот! – легко согласился он. – Ты отвлечешь, а я заберу. Тебя он не сможет обвинить, потому что в этот момент разговаривал с тобой.

– Да ну! – как-то неуверенно отозвалась я. Предложение мне не нравилось, вот как-то чисто интуитивно, на понятийном уровне, но рассуждения Романа казались логичными. Вдруг киару и в самом деле не успел просмотреть мой альбом, и мне удастся избежать унижения и вечного стыда в его обществе? Что с того, что я заберу принадлежащую мне вещь? Она ведь моя? Моя. Если бы она лежала на скамейке в парке, я бы могла ее забрать? Могла. А если бы я случайно снова села в машину к киару, стала бы его спрашивать, чтобы забрать? Нет, конечно. А если бы вчера вспомнила на полпути к дому, вернулась бы и забрала, ничего не спрашивая, так ведь? Так. Так что же мне мешает теперь?

Только, пожалуй, киару не должен меня видеть все-таки, так что отвлекать придется Ромке. И, кстати...

– Зачем тебе это? – подозрительно спросила у него. – А если тебя потом из страны не выпустят, если что-то пойдет не так?

– Мари, хорош трусить! – ослепительно-белозубо заулыбался Роман. Я еле удержалась, чтобы не потрогать эту его улыбку. Он искусственные зубы себе вставил, что ли? Я где-то читала, что такой белизны и ровной формы настоящим зубам никогда не достичь, и многие актеры, например, полностью удаляют свои зубы и вставляют искусственные. Бррр. – Это же прекрасное приключение! – закончил мой белозубый, ничуть не похожий внешне на Карлсона друг. А ведет себя, кажется, так же.

– Да ну, где мы его найдем-то? – по инерции продолжила сопротивляться я, хотя внутренне уже согласилась. Где-то в глубине души что-то еще царапало и свербело, и дай мне Ромка время на раздумья, я бы, наверное, отказалась, но он не дал. В лучших традициях цыган и устроителей лохотронов – ошеломить, захватить и обобрать... Вот только обирать мы будем не меня.

– Я совершенно случайно знаю, в каком они сегодня институте выступают. Или заседают. В общем, не знаю, что они там делают, но знаю где! – довольно сообщил искуситель.

– И? – спросила я, чувствуя, как меня уносит Ромкиным потоком, и не находя в себе опоры.

– Значит так, я его отвлеку...

Когда Ромка на своем мотоцикле врезался в машину киару, я чуть не завизжала. Как-то «отвлеку» в моем понимании включало лишь легкие царапины на бампере, это как максимум, а не такую смачную аварию, а лучше бы вообще – светский разговор, и уж точно не включало фееричный полет Ромки с мотоцикла. Естественно, киару выскочил из машины и бросился к неудачливому мотоциклисту, и я задержала дыхание – а вдруг он серьезно пострадал? Никогда себе не прощу, пусть и он сам это все придумал... Но вроде жив, и даже махнул рукой, за спиной у киару, дескать, давай.

Место Ромка выбрал довольно удачное: всего две полосы, и правая полностью занята припаркованными автомобилями, так что мне не пришлось бросаться под колеса мчащихся машин и, вынырнув из-за голубенькой малолитражки, я быстро оказалась у уже знакомой пассажирской двери. Альбом лежал прямо на сидении – значит, он не мог его не видеть и, наверняка, посмотрел. Значит, все было зря... и забирать точно нельзя. Я хотела уже захлопнуть дверь, даже где-то внутри радуясь, что все сложилось так, но тут меня резко рванули назад, а потом отбросили в сторону. Я больно ударилась об асфальт, но крик сдержала, не заорала ни

от боли, ни от удивления – отбросил меня вовсе не синеглазый, как я сначала подумала, такое обращение с дамами все-таки не в стиле киару, а какой-то тип в черной куртке и капюшоне. Он на секунду нырнул внутрь машины и, почти сразу вынырнув, бросился прочь, унося что-то с собой.

Я тоже бросилась прочь, под прикрытием все той же голубой машинки, понимая, что, кажется, все пошло не так, и я крупно вляпалась. Идея и изначально-то была, прямо скажем, не очень, а теперь, похоже, обернулась куда более серьезным преступлением. Как я вообще могла согласиться на такое? Как?! Теперь мне это совершенно непонятно. Словно Рома меня загипнотизировал. В оцепенении сидя прямо на тротуаре, я наблюдала в витрине, как Ромка шустро вскочил на мотоцикл и уехал, а киару, посмотрев пару секунд ему вслед, вернулся к своей машине. Мне вдруг пришло в голову, что инопланетянин, обнаружив пропажу и открывшую дверь, бросится на тротуар, где и обнаружит меня. От этой мысли сделалось очень жутко, я еле сдержалась, чтобы немедленно не побежать. Умом я понимала, что так будет только хуже, но на уровне инстинктов просто хотела оказаться как можно дальше. Неважно, что потом, бежать, бежать, куда глаза глядят, лишь бы оказаться подальше от этого места, где так страшно. Я на всякий случай приготовилась притвориться лежащей в глубоком обмороке. Это, конечно, тоже весьма подозрительно, но что еще можно сделать прямо сейчас?

Несколько томительных минут, да даже, наверное, не минут, а десятков секунд, но я, кажется, постарела за них на пару лет... и киару уехал.

Я же каким-то чудом поднялась и отправилась на параллельную улицу, где мы должны были встретиться с Ромкой. По пути я пару раз останавливалась перевести дыхание и унять дрожь в коленках, а еще все больше раздражалась на приятеля, подбившего меня на такую несусветную глупость. Когда я добралась до назначенного места, трясло меня уже больше от ярости, и я точно знала, что этому придурку скажу.

Но его не было. И телефон его был выключен. Я в растерянности побродила полчаса вокруг, но напрасно – Роман так и не объявился, и пришлось отправиться домой, так и не выплеснув справедливое и не очень возмущение.

До дома я добралась на автопилоте, особо ни о чем не думая, но стоило оказаться в своей комнате, как меня накрыло. Я не знала, что и думать. Признать, что он просто мной воспользовался, было невыносимо. Может, с ним что-то случилось? Он все же сильно упал, может, телефон разбился? Ага, – сказала я сама себе, – и амнезия наступила. А еще тот парень в черном совершенно случайно оказался рядом... но зачем им вообще я? Я же только открыла дверцу машины и ничего больше... Может, на ней какое-то следящее устройство было? Или какая-нибудь специальная краска, типа той, которой взятки обрабатывают, и по ней меня скоро найду-у-ут! Ох, какая же я дура! И никому не нужна сама по себе, только вот для дела-а-а... грязного и незаконного!

Телефон пикинул в самый разгар моих страданий, когда я уже успела признать себя непривлекательной дурой, а всех вокруг, включая киару, Никиту и тем более Ромку – бесчувственными козлами и эгоистами.

«Мария, спускайтесь. Не впутывайте своих родных!» – выдал мне противный телефон.

Я подошла к окну, уже зная, что там увижу. И точно, даже в наступающих сумерках машину киару я заметила сразу, и, что хуже, он тоже меня заметил – мигнул фарами.

И я пошла. Потому что свою семью я люблю и действительно не хочу впутывать.

Киару был зол. Очень-очень зол. Мне казалось, что сама атмосфера в машине поменялась, словно уютное прежде кресло стало колючим, стекла темнее, а от хозяина автомобиля волна ярости ощущается чуть ли не физически.

– И за сколько вы продаетесь? – поинтересовался синеглазый, глядя подчеркнуто не на меня и сжимая руль так, что пальцы побелели.

Вот интересно, это он специально такую двусмысленную форму вопроса выбрал? Или он не понимает второго смысла, а это мое испорченное подсознание играет такие шутки?

– Я не продаюсь, – сообщила я, всхлипывая. На этот раз киару на мои слезы никакого внимания не обращал. Возможно, считал, что так мне и надо? Так и должно быть – раскаивающаяся, заливающаяся слезами преступница, вымаливающая прощение. Что-то ролевыми играми повеяло... как-то не вовремя и некстати.

– То есть это вы из личной неприязни? – заинтересовался он и даже повернулся ко мне.

– Это вы о чем? – спросила я крайне неубедительно, пытаюсь напомнить самой себе, что у нас презумпция невиновности. Вроде бы.

Вместо ответа киару коснулся экрана на приборной панели и запустил запись с чьего-то видеорегистратора, где видно, как я открываю дверь машины. И, увы, почему-то не видно ничего дальше – про типа в черной куртке. Так что вывод киару сделал явно однозначный.

– Итак? Личная неприязнь? – очень любезно и очень холодно предположил он.

– Нет, – сказала я. И совершенно не эстетично шмыгнула носом.

– Это как-то должно помочь Никите Рекунову в решении его проблем? – кажется, киару не терял надежду обнаружить хоть какую-то логику в моем сегодняшнем поведении. Увы. Если бы мне самой сейчас понять, как я могла на такое пойти... да и сам мотив – «я просто не хотела, чтобы вы знали, что я рисую вас, как настоящая маньячка» тоже не звучит...

– Нет, – вздохнула я. – Думаю, не поможет...

– Тогда что? – с чрезмерно подчеркнутым смирением. Дескать, терпение у меня почти безграничное, но ты, человечка, уже у самого края.

Я молчала, закусив губу. Действительно, что? Глупость, доверчивость и мучительная неловкость? Неужели, это я? Говорят, человека определяют его поступки, и вот так вот поступает Мария Романова...

– Ладно, не говорите почему, скажите где! – уже серьезно потребовал киару.

– Я ничего не брала, – обреченно закусываю губу, понимая, что к настоящей части допроса киару только собирается приступить.

«Да ну?» – сказал взгляд ярко-синих глаз.

– Честное слово! – отчаянно выпалила я и почувствовала себя школьницей. И, наверное, поэтому сбивчиво, торопясь и спотыкаясь, стала объяснять про типа в черной куртке.

Он слушал молча, снова глядя перед собой, но руки с руля убрал.

– Выходите, – сказал он, когда я пошла на третий круг в своих уверениях, что того типа я не знаю, хотела забрать только альбом, но и его не забрала, и вообще, это цепочка ужасающих совпадений и недоразумений.

Я осталась сидеть. Ибо непонятно, что это за «Выходите»: «Выходите, в тюрьму пойдете пешком», или «Выходите, не хочу запачкать салон кровью», а может, «Выходите, и в проект я вас тоже не возьму!»

Словно услышав мои мысли, киару сказал:

– Я бы не взял вас в проект, Мария Романова, если бы у меня был выбор. Теперь точно бы не взял. Но выбора у меня нет. Выходите, пока я не передумал вас отпустить.

А я не ушла. Просто не смогла в такой вот момент. Как бы ни убеждала себя, что все равно, но почему-то хотелось как-то реабилитироваться в глазах этого инопланетянина. Но как? Вряд ли оправдания по четвертому кругу сильно помогут.

Он явно ждал, когда я уйду, и я, чтобы потянуть время спросила, ощутив вдруг парадоксальное чувство неловкости от того, что не знаю его имени:

– Киару... а... а что у вас украли? Если не секрет.

– Конечно, секрет, – сообщил он, внимательно меня разглядывая. – Но вам... вам, – выделил местоимение и интонацией, и задумчивым взглядом профессионального палача, – вам я скажу. Когда мы будем на корабле в паре дней пути отсюда...

Мы все ошибаемся. Больше или меньше, чаще или реже... но ошибаемся. Вот только последствия от ошибок иногда оказываются совершенно несоразмерны нашим действиям. А еще нам всегда хочется найти себе оправдание, и я, кажется, нашла. И поспешила высказать:

– Но почему вы так вините меня? Если бы меня там не было, все равно ведь украли бы! Открыть дверь мог любой, я вообще случайно там оказалась!

– Вчера... – произнес он с каким-то особенным сожалением. – Вчера я разрешил вам открыть дверь, когда за вами гнался тот человек... хотя я уже не уверен действительно ли гнался. И не убрал допуск. Моя ошибка. Вы не показались мне... опасной. Этот тип в черном, на котором вы настаиваете, не смог бы проникнуть в машину, не открой вы ему дверь. Выходите, Мария. Мне надо ехать.

Мне очень стыдно за себя, но настоящее раскаяние охватило меня, только когда машина киару – а непостоян у него автомобиль, оказывается! – покинула двор, мигнув напоследок огнями стоп-сигналов. До этого, да, я сожалела о том, что сделала, что ввязалась в эту авантюру, поддалась на уговоры Ромки, да даже о том, что вообще взяла утром трубку – тоже успела пожалеть. Но исключительно из-за страха. Я боялась наказания, а в самом поступке видела скорее цепь случайностей и чужой злой умысел. Мне казалось, что это Ромка – подлец и меня подставил, а выходило, что я сама подставила киару куда хуже. Это не отменяет того, что мой бывший друг – негодяй и последний мерзавец, но я тоже хороша. Повелась, как школьница на его горящий взгляд, комплименты, нарочитую галантность и готовность на подвиги. Ради меня. Ага. Хотела избежать унижения в глазах киару... а получилось куда хуже.

Я вдруг как-то очень остро осознала, что Ромка виртуозно мной манипулировал. Я за сегодняшний день уже успела почти заново влюбиться в него, я ведь даже о Никите не вспомнила ни разу, кроме как когда, собственно, рассказывала, как оказалась в проекте. А этот гад... смотрел с таким восхищением, говорил, что я – невероятная, что он так и не встретил ни одну девушку, хотя бы наполовину такую особенную, как я. Такую милую, добрую и немного шепутную. Чутьочку рисковую и капельку шальную. Конечно, я растаяла. Дура. Поверила, что у него нет своего интереса, кроме как блеснуть передо мной...

Прости меня, киару. Я действительно дура. Интересно, могу ли я как-то это исправить? Может, нарисовать портрет Ромки? А хотя зачем портрет? У меня есть фотографии! Пусть двухгодичной давности, но не так уж он и изменился.

Никто не торопился меня хватать и тащить в тюрьму, так что я бросилась обратно в квартиру, в свою комнату, к счастью, снова умудрившись пробраться незамеченной.

Уже перед отправкой меня одолели сомнения – а вдруг Ромка тоже просто случайно оказался не там, и я его подставляю? Да нет, вряд ли. А даже если и так, то он явно в большой беде – раз не появился и телефон не отвечает, так что чем раньше его найдут, тем лучше.

«Простите дуру!» – написала я киару смс, а следующим сообщением «Мотоциклист:» и всю инфу, которой оказалось на удивление мало.

Ответа не было долго. Я пыталась себя убедить, что не жду, но бесконечно бегала проверять телефон, пока, наконец, меня не позвали ужинать.

А после нашла-таки ответ:

«Будут проблемы из-за этого, дайте знать».

Глава 6

Маша и странные последствия утренних пробежек

Ночь я провела почти без сна – слишком много мыслей теснилось в моей голове, и, едва рассвело, отправилась на пробежку. Ибо жизнь, так или иначе, продолжается, а физическая нагрузка всегда мне помогала прийти в равновесие и все обдумать. Однако в этот раз пробежка принесла лишь еще большее смятение. Я пробежала всего минут пять и только-только вырвали на набережную, когда у меня появился попутчик. И этот попутчик жаждал диалога.

– Позвольте выразить вам мое восхищение, Мария Александровна, – удивительно ровным голосом, словно и не бежит, а все так же сидит в своем кабинете, сообщил мне человек в сером костюме. В этот раз в сером спортивном костюме. И, несмотря на ровный тон, я поняла, что мог бы – придушил бы прямо тут.

– Восхищение? – послушно переспросила, досадуя, что мой голос куда больше прерывается. Может, серый – вообще робот?

– О да! Вы здорово меня провели. Я был уверен, что вы – весьма недалекая... и, что уж там, неумная особа, а вы оказались далеко не так просты.

Мне хотелось застонать и честно сказать, что я, наоборот, оказалась куда более проста, нежели он предполагал. Не говоря уже о моем собственном о себе мнении. Но я молчала – и дыхание берегла, и понимала, что мое честное признание не к месту – не поверит.

– Украсть у киару что-то действительно важное и при этом все равно остаться под его защитой... вы восхитительно... изворотливы!

От такого комплимента мне стало как-то совсем паршиво.

– Но вы же умная, как оказалось, девушка, – продолжал человек в сером, – и понимаете, что защита киару не вечна. Сейчас вы ему нравитесь, но что будет через год? Через два? Когда вы вернетесь из этого проекта. А ваша семья... Вы, допустим, улетите с киару, а они? Уговорить его забрать их с собой вы точно не сможете.

– Что вы хотите? – спросила я, останавливаясь и задыхаясь. Не от бега, а от страха. Если этот противный гад планировал меня напугать, ему это очень даже удалось.

– Сотрудничества, все еще сотрудничества, Мария Александровна. И сотрудничества с нами, а не с разведкой нашего стратегического противника.

Это он намекает на Ромку? Ромка – шпион? Агент ноль-ноль-сколько-то там?

– Для начала скажите, что было украдено у киару?

– Не знаю! – с недоумением ответила я. – А он вам тоже не сказал?

– А вы постарайтесь узнать, Мария Александровна. До отъезда. И не советую вам рассказывать о нашем разговоре кому бы то ни было и особенно самому киару. Помните – ваша семья...

Он направился к откуда-то взявшейся машине, вероятно, она ехала за нами, но на отдалении и так тихо, что я просто не заметила. Хотя... с такими разговорами я бы не заметила ее в любом случае. А я опустила на землю, потому что ноги меня неожиданно перестали держать, и разрыдалась. Одно дело – подставить киару. Нехорошо, стыдно и все такое, но пережить можно, а другое – свою любимую семью. И ведь он не оставит теперь в покое ни меня, ни их, по крайней мере, пока я жива. Пока жива...

Я задумчиво посмотрела на проезжую часть – нет, под машину я не хочу. Это, наверное, очень больно и без всякой гарантии. Может, в воду? Не то чтобы я действительно решила свести счеты с жизнью, ведь жить мне хотелось, страстно хотелось, и поэтому я была уверена, что найду какой-нибудь выход, а этот всегда можно оставить про запас. Но тем не менее я почему-то вскарабкалась на гранитный парапет и, встав на нем, уставилась на воду. Вода завораживала

и успокаивала. Дарила ощущение, что еще не все предопределено, и у меня всегда есть выбор, хотя бы такой. А значит, не все потеряно, можно бороться, можно попытаться исправить!

– Привет! – внезапно раздалось рядом, и я, дернувшись, чуть не потеряла равновесие. Взмахнула руками и вцепилась в своего неожиданного соседа. И тут же ощутила жгучее желание этого самого соседа придушить или утопить, а лучше и то, и другое. Меня настолько переполняли чувства, главным образом негодование, возмущение и обида, что я даже не смогла остановиться на каком-нибудь одном эпитете, и в итоге выдала какое-то полурычание-полумычание.

Ромка лишь насмешливо прищурился.

– По какому поводу топиться собралась? – поинтересовался он, и я не нашлась, что ответить. Не рассказывать же ему про этого серого, особенно при том, что Ромка – предположительно вражеский агент и совершенно точно меня подставил.

Мне вдруг подумалось – а не сообщить ли киару, что Ромка тут, рядом со мной? Но как? Если я достану телефон и примусь набирать смс, вряд ли это пройдет незамеченным.

– А что это за тип в сером был? – задумчиво поинтересовался мой бывший друг, и я чуть не задохнулась от новой волны возмущения. Он бы хоть поинтересовался, как я вчера! Извинился, что не пришел! Объяснился хоть как-то!! Вот ведь козел! Да я больше ничего ему не скажу!

– Да пошел ты! – с удовольствием сказала я, но, не успев насладиться триумфом, почувствовала, что теряю опору, и вдруг обнаружила себя на самом краю парапета. Он держал меня за горло, и одного толчка будет достаточно, чтобы я полетела в воду.

– Если ты еще не окончательно решила, что тебе надо утопиться, – вкрадчиво сообщил незнакомец с лицом Ромки – у меня в голове не укладывалось, что я настолько его не знала, или же он настолько изменился, – то будешь отвечать на мои вопросы. Почему киару тебя простил? Ты не все мне рассказала вчера?

Я вцепилась обеими руками в его руку, чувствуя, что смерть, до которой по моим прикидкам мне было еще лет шестьдесят как минимум, вдруг подошла очень близко. Слишком близко. И слишком быстро. Сложно сказать, как я повела бы себя, если бы у меня были ответы на его вопросы, может, рассказала бы, даже наверняка рассказала... но ответов у меня не было.

– Он не простил, – вот и все, что я смогла сказать, и, кажется, Ромка собирался что-то еще спросить, но вдруг обернулся, выругался, смерил меня долгим взглядом...

– Извини! – легко улыбнулся он, и... я полетела вниз. Попытка удержаться ничего не дала, разве что Ромкина кофта осталась в моих руках.

Вода была обжигающе-холодной, но это меня как раз вывело из оцепенения, в которое я впала от того, с какой скоростью моя жизнь покатила под откос. Вот вам и польза спорта вообще и утренних пробежек в частности. Хотя ладно, какая-то польза от спорта все же была – я неплохо плаваю. Проблема только в том, что, чтобы вылезти, мало плавать, надо уметь выпрыгивать из воды, почти как дельфин – набережная высоко, а ступенек нет, по крайней мере, здесь. Надо как-то срочно вспомнить, где ближайšie, и двигаться туда, потому что холодно, и устану я гораздо быстрее, чем в бассейне. Как назло, сориентироваться никак не удавалось, и я барахталась на одном месте, беспомощно оглядываясь. Несмотря на умение плавать, от невозможности определиться, куда плыть, меня стало накрывать паникой.

– Помогите! – крикнула без всякой надежды. Ну, кто может оказаться тут в подобную рань? И так уже утро выдалось чересчур насыщенным разными встречами. А хотя... от кого-то же Ромка убежал, не закончив разговор со мной. И я теперь знаю от кого... и куда же без него-то, в самом деле? Мое персональное проклятие. Возможно, он про меня говорит так же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.